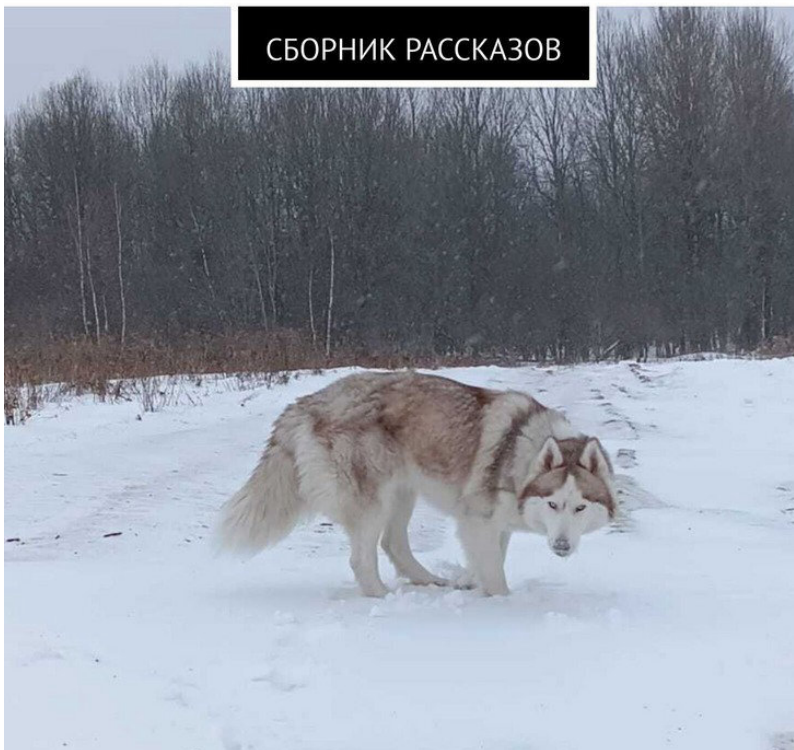

18+

ВЛАДИСЛАВ МАРТ

Псага

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владислав Март Псага. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73005927

ISBN 9785006883550

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Настоящий сборник состоит из рассказов на стыке жанров фантастики, псевдодокументалистики и философии. Ряд историй-глав знакомит читателя с Псом и загадочными событиями, происходящими с людьми вокруг него. Кто эти люди? Кто такой Пёс? Какова правильная последовательность рассказов в сборнике? Такие вопросы встанут перед закончившим чтение. Проза пересекается с другими книгами автора составляя единый мир.

Содержание

Учитель	5
Куча	24
Жара	45
Та осень	72
Вонь	83
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Псага

Сборник рассказов

Владислав Март

© Владислав Март, 2025

ISBN 978-5-0068-8355-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Учитель

Зимнее солнце, похожее на ламповый телевизор светило сквозь дровницу мерцающим и тёплым способом. Там четвертинки спилов берёзы оставляли решето промежутков, позволяющее солнцу почти целиком пролезть ко мне, к зрителю, через ограду дров. Сами дрова лежали неровно, как и положено, чтобы ветер легко просушивал будущие жертвы печи. Чтобы ветер входил и выходил ужом сквозь промежутки и лазы. Будто ребёнок впервые собиравший пазл кто-то как мог впихнул поленья в ряды чтобы сформировать абстрактную картину. Кривыми треугольниками они сплели подобие природного витража. И как бы ни был тот витраж замысловат и кос, солнце за ним, струясь по промежуткам для ветра, подсвечивая каждый сучок на каждом спиле, так и говорило, смотри, вот она асимметричная красота природы. Вот то, что не может быть повторено пятипалыми с их культурой, искусством и всезнанием законов жизни. Я, солнце, просто светя сквозь ряд мёртвых кусков дерева сложенных в дженгу дровницы, я создаю вещь сильнее и краше любого из художников. Встаю и сажусь с этой дровницей, меняю углы и интенсивность, подкидываю алого, и каждую, слышите, пятипалые, каждую секунду творю шедевры. Не то чтобы я воспринимал слова солнца имеющими отношение именно ко мне, в конце концов, я и рисовать-то не умею.

Но у меня тоже есть эта сложная штука – сетчатка – часть мозга, засунутая отчего-то в глаз. И, соответственно, я тоже могу отличить прекрасное от красивого. И, опять-таки, это моя дровница стоит поперёк света солнца и участвует в витраже, о котором идёт речь. Поруби, попили я берёзу более аккуратно, разложи маниакально геометрически, во всё это благолепие вмещалась бы симметрия. Что могло бы солнце противопоставить симметрии? Только меняющийся спектр. Только меняющийся угол гонки по небу. Так что, без всякого академического художественного образования, нечаянно, обладая правами на свет сквозь решётку мертвечины. И этим, благодаря вращению земли, рождению и смерти живого, моему мозгу в глазу, обращался в автора картины. В такой морозный день не было ничего прекраснее этой картины, этой движущейся инсталляции света в поленьях. Иногда нужно просто смотреть на мир и ничего не делать, так велит Учитель.

Холод достиг той границы, за которой к кормушкам с семенами начинают прилетать сороки и вороны. А синицы, прежние хозяева лакомства, пытаются не потерять позиции и, отступая, нет-нет, да и ухватят семечку подсолнуха, последний трофей. Сороки превратились из такси-торпеды в шар с долгим хвостом, в гигантский чёрно-белый Чупа-чупс. Нахохлившись телом-пирожком полностью укрывают свои лапы, а голову засовывают без страха в дыру кормушки. Там как могут клюют, а чаще просто заглатывают

семена. Прилетают по три-четыре и ждут в очереди на перилах беседки. Садясь на неё складывают хвост в палочку, как веер и терпеливо превращаясь в перьевую подушку ждут свой черёд. Вороны парами, неотличимыми кто мальчик, кто девочка, как обычно. Такими же взъерошенными курицами они ждут на соседнем дереве. Видом своим спугнув синиц и воробьёв, умными глазами пытаются что-то придумать с кормушкой. У сорок получается, клюв невелик. У ворон не очень. Возможно, следят они за кормушкой не из-за семечек, а следят за дичью, используя кормушку как капкан-приманку в эту холодную пору. За всеми ними прилетает отчего-то одинокий снегирь, самец цвета позднего яблока. Ему уже мало достаётся от пира. Подбирает с заснеженного пола беседки. Я перестаю быть наблюдателем звёзд в телескоп, наполняю литровую кружку смесью семян и выхожу из дома. Оглушающий хруст мороза издают ноги. Это переломы черепов снежинок, это уничтоженные литавры ночного снегопада. Меня слышно должно быть в Африке. Шаг подобен удару в колокол. Снег на морозе хрустит невероятно. Я несу драгоценную пищу птицам. Сорок семь шагов. Высыпаю, расчищаю варежкой взлётную полосу на перилах, подбираю иссиня-чёрное сорокино перо. И сорок семь хрустов назад. Нос успевает покрыться изнутри инеем, рука замёрзнуть, кружка наполниться летящими снежинками. За спиной, не дожидаясь моего отступления, синицы яростно пищат в воздухе. Комки чёрно-жёлтой ярости. Самураи января. Их задача вы-

жить сегодня. Съесть всё до возвращения неспешных сорок, которые своими клювами-бульдозерами, отбирают у синиц право на жизнь. Я разделся и через окно вижу повторение, смену птиц, просовывание головы в кормушку, возмущение маленьких, ожидание крупных. Сороки опять, как аристократы в очереди на гильотину, втягивают голову в пух и прячут ноги в тепло пера, обмениваясь друг с другом редкими отзывами на последний урожай бургундского. А вокруг беседки скачет шар-воробей. Чтобы прыгать и бежать не всегда нужна причина, достаточно выйти во двор и побежать, попрыгать. Так делает Учитель.

Над всей окраиной заброшенного посёлка висит огромное гало. В прозрачном воздухе от солнца расходится круг сияния словно от византийского святого. Радуга наоборот – гало – висит сразу во все стороны и до того нереально, и до того неуловимо сетчаткой-фотоаппаратом, что кажется патологией, ожогом от лучевой трубки, от тех времён, когда я смотрел телевизор. От тех времён, когда ходил мимо искрящихся витрин большого города. До того как встретил Учителя. Гало в небе, хруст снега, шаровидные сороки – знаки зимы, что лучше ртути в термометре говорят о температуре. Мороз. Настоящий географически защищённый конец света. Молчашие холодные машины, разорванные льдом бутылки, острая крупа льда на подоконнике. Идеально для принятия гостей, новеньких ищущих. Пока пешком от автобусной остановки дойдут, многое объяснять уже не нужно. Только

на входе показать им какой-то знак, движение рукой, мол, началось. Вот. Отсчёт пошёл. Мы на месте и уже внутри. Автобус уже скоро подвезёт их. Если москвичи, одетые в совершенные утепления импортной одежды, то дотопают минут за девяносто. Если больные, убогие, может замёрзнут совсем и обойдётся без суеты эта неделя. Если издалека приехали, возможны сюрпризы. Пьяные, оголтелые, бесноватые, глупые... Я пошёл проверить ружьё, топор и портвейн. Каждый раз сюрприз с этими ищущими. Всё они никак не найдут. Во всём им помощь нужна. Для всего знак, совет. Придурки. Но Учитель им не отказывает. А я, что я, просто верный помощник. Дрова тоже успею принести, автобусная остановка не близко. Я потопал в сторону дровницы чтобы модифицировать витраж солнца, снять верхний слой кривоватых добровольцев-поленьев. Обычно я беру семь в охапку, кладу на левое предплечье и правым придерживаю. Сейчас взял восемь. Так тяжелее и не впадаю в зависимость от сложившихся стереотипов. Захочу и девять принесу. Я тут правила устанавливаю по части дров. Учитель мороза не боится. Тепло это всё для приезжих. Надеюсь, идущие от остановки прочитали заметки на сайте внимательно. Ни слова, ни пустоты, ни лени.

Мне пришлось на время отвлечься от отсчёта минут до прихода гостей. К кормушке прилетел средний пёстрый дятел, из тех что весь покрыт чёрно-белыми березовыми штрихами, а под пальто у него яркая красная подкладка. Он

отбирает свою бело-чёрную часть у сорок? У берёз? У снега и угля? Если уж дятел питается у меня, мороз не шуточный. Бедные птицы переходят на несвойственный им корм. Я смотрел на дятла, который не решался просунуть голову в большую дыру, вырезанную в пятилитровой пластиковой банке-кормушке. Она прозрачная и полна разных семян, преимущественно чёрных стреловидных подсолнечников. Дятел вероятно не ел и сидел на месте потому что видел меня. Ох уж эти птицы с их зрением. Слишком хорошим чтобы опасаться человека за двадцать метров, за стеклом окна, за занавеской. Молчащего и наблюдающего без тени агрессии на лице. Чтущего силу природы и её баланс жизни и смерти. Откуда знать дятлу, что я влияю на этот баланс на конкретной небольшой территории. Не знает он, что я есть его союзник. Моя рука сыпет в мороз пищу. Вчерашние снегири не обращали на меня никакого внимания. Но этот дятел, та сорока, вороны и все врановые, такие недоверчивые. Не перечеркнуть одному человеку то, что натворили до меня многие другие. Доверие к незнакомцам, это один из замечательных уроков Учителя.

Лопаты расставлены в порядке употребления. Сначала нужна будет штыковая, кое-где порубить слежавшийся под собственной массой снег. Особенно там, где тепло дома, покидая его, встретилось с лютой окружающей средой. Потом совковая. Забраться ею в сложные дыры, прибрать отдельные тяжёлые снежные кирпичи, нарубленные штыковой. По-

тренироваться. Пошкрябать как следует кое-что, погреметь. Третья лопата – снеговая с металлической плашкой на конце. Чтобы не изнашивалась быстро. Это основной рабочий инструмент для познания всех оттенков снега. С ней надлежит пройти все дорожки до и после беседки, за сарай, к воротам, вдоль заборов, к птичьим кормушкам, чтобы Учителю было удобно гулять и размышлять. Везде, где потом будут ходить и гости, дышать иголками января и молчать. Сохранять тёплый воздух внутри рта, не раскидывать слова до того, как действительно есть что сказать. Сегодня лопат шесть. С автобуса придут трое. Что ж, разберёмся как они станут менять роли. Кто со штыком, кто с совком, снеговые лопаты получают все. Это главное. Это основа в первые дни. Понять, что каждое утро все дорожки заметены заново. Что нет конца работы снеговой лопаты. Принять вес снега, привыкнуть к оборотистому движению лопаты, откидывать снег в сторону. Получить эту ноющую поясничную боль, заморозить пальцы. Ох, как завидую приезжим, что будут заниматься этим в первый раз. Какая прекрасная вещь, просыпаться и снова и снова убирать снег. Сотни взмахов на долгих дорожках, тонны снега. Бесконечный. Непобедимый. И всегда такой разный. Кто первый из гостей заметит? Снег каждый день разный. Не новый, а разный. А боль постепенно пройдёт. Spина и плечи окрепнут. Можно будет переходить к рубке дров. Понять разницу колуна и топора. Не каждому дано. Однако всё нет и нет этих приезжих. Час вероятно прошёл. Высокие и мо-

лодые с длинными ногами уже должны были прийти. Длинными ногами с подвёрнутыми джинсами по высокому снегу. Может близорукие, карту читать не умеют. Знака перед собой не видят. Стоит же столбом белый дым. Один он тут в бирюзовом небе. Гало им мешать не должно, то северная сторона. Придут, куда денутся. Учитель умеет ждать. У него два бока чтобы лежать и ждать, и он может их чередовать.

Лишь бы не оказались люди из тех, кто называет мой дом випассаной. Такие самые слабые. Неумные. Без толку две недели чай пропьют и только откровения свои потом год по блогам будут развешивать. Какая такая випассана? Говорить не нужно, это верно. Учитель молча живёт. Но асаны-то другие. Познают себя не голодом с рисом пополам на солнышке под магнитофон, а природой и Учителем. Не сидят на попе со скрюченными ногами, как терновый куст, а идут по снегу, закаляют кость, толкают неисчислимое воинство зимы, прорубают путь лопатой. Идёт битва жизни и смерти. И перед глазами примеры её каждое утро. Не покормишь птицу – умрёт. Не станет сил после доноса воды, не сможешь семечки отнести. Скажешь слово в расстройстве – не получишь права покормить синицу. На следующий день будешь смотреть на её закоченелый трупик вместо завтрака. Не ползет в горло блин с мёдом. А потом, ах, что толку заранее говорить. Сначала ведь надо дойти, потом снег, потом только к Учителю показаться. Посмотреть, как это, жить в гармонии с собой. Кто випассану эту прошёл на курортах – здесь за-

гнётся. Лучше с чистым неопытным умом приходиться. Не тащить с собой из города все эти книги в голове, все стримы и наставления богатых. Нет, определённо, если опять скажут, что это как випассана, то придумаю что-нибудь нехорошее. В первый раз, спасибо Учителю, не дал психануть по крупному. В первый раз я только у лопат деревянные ручки на ломы заменил. Для весомости аргумента труда. Для лучшей привычки. Прогресс в понимании снега тогда пошёл по другому. Много добрых слов читал после на сайте. Мысли у меня были и по-иному отвадить от упоминания випассаны, но Учитель остановил. Спасибо. Ломов может быть вполне достаточно.

Солнце покатило на закат, короткий этот бег был мне в деталях знаком. Но гостей всё нет. План дня рушился. Не станут же в темноте снег убирать. А рябину собирать? А дрова принести? Что, придут и просто греться у печки? Что за нарушение просветления? Я не нервничал, не волновался. Я просто был удивлён такой безалаберной тратой времени Учителя. Наказано от автобуса дойти к дому без остановок. Время Учителя – день. Никто не может быть властен и над днём, и над ночью. День – Учителю. Ночь – Волку. Волк других и другому учит. Если кто идёт к учителю во время Волка, сам виноват. Неразумный. Закат надо встречать дома. Я выглянул из окна в сторону тропинки к автобусной остановке. Тропинки конечно не существовало сейчас. Прежние ученики ушли три дня назад и её замело. Новые всё никак

не объявляются. Направление, гладь снега, где они протопчат тропинку сегодня, оставалась неповреждённой. Никто не шёл от дороги. Время ли обратиться за советом? Я тихонько посмотрел через приоткрытую дверь чем занимается Учитель. Он был в том же положении, в каком я его видел в полдень. Лежал на спине. Хотя сложно описать. На спине, но и на боку. Задние лапы были широко раскинуты и висели в воздухе предьявляя теплу и свету то, что было между ними. Передними Учитель упирался в ножки табуретки. Голова была закинута назад и нос упирался в диван. Язык вывалился до пола. Мерное посапывание говорило о том, что гармония присутствовала. Белая шерсть на шее местами скомкалась, но на животе была упорядочена и длинна необыкновенно. Расчешу перед ужином, пожалуй. На миг, голубые глаза его приоткрылись и считали моё присутствие. Затем снова закрылись. Я удалился от двери. Я понял знак Учителя. Не стоит суетиться, дойдут твои гости. Ещё светло, ветра нет, столб дыма стоит в безоблачном небе как маяк. Дорога – это то, что остаётся после идущего, а не лежит перед ним.

На втором этаже я приготовил постели. Простые плотные матрасы и толстые тёплые одеяла. То, что нужно после непривычного тяжёлого труда и ослепительной красоты общения с Учителем. На стенах были украшения, в основном подарки от приезжих. Вот картина из шерсти оленя, вот портрет учителя маслом, вот целый пук колокольчиков на переплетённых верёвочках. На другой стене – ловец

снов, деревянные фигурки птиц, сухие цветы в раме из розга. Чего только не оставят городские. Не хватает им красоты, всегда больше нужно, всегда снаружи от себя. Чтобы глаз легко находил красоту на стене. Закрывать глаза и убедиться, что красота внутри, на своём месте, это для них сложно. Это не для первого дня пребывания. Это придёт позже. Постелей всего было шесть. Но столько сильных и готовых к истине приходило к Учителю крайне редко, чаще два-три человека. Двое тоже не лучшее число. Устают сильно первые дни пока учатся лопате и топору. Лучше три-четыре человека. Тогда и пироги быстрее готовятся, и косточки сахарные рубятся ровными частями. Всегда есть кому выбрать пластинку. Всегда кто-то в доме следит за печкой и знаками Учителя. А то бывает займёшь всех на улице, а Учитель выйдет показать, как снегу радоваться, как за птичками бегать. Да ни у кого сил нет. Сидят, глядят, так и норовят уснуть на морозе. Тогда собираю в охапку неудачников-слабаков и отношу наверх. Вот на эти матрасы, к этим сувенирам на стенах. Не готовы ещё. Зелёные, как синяки на второй день. Смотрите пока на внешнюю красоту. Хотя разложишь их по углам, смотришь, нет-нет, а кто-то и ляжет в позу Учителя. У кого-то да мелькнёт его улыбка. Не зря. Всё не зря. Впитывают знания. Потом Учитель и я сядем на пол, смотрим как спят гости. Минут пять. Потом уходим сахарные косточки есть. Не наша вина, что они такие усталые от своего внутреннего груза. На завтра будет легче. Уйдёт его часть. Заместится гармонией.

Раскидают лопатой по участку. Прилипнет шерсть Учителя к их штанам, привыкнут руки к его теплomu телу, встанут его уши острее, будет он весело цокать своими когтями пробегаая между улыбающихся и довольных гостей. Придёт время.

Птицы перестали прилетать к кормушке. Признак того, что день закончился. Хоть мой глаз ещё полон солнечных лучей, птички уже собираются в остатки тепла и готовятся спать на границе между жизнью и смертью. Надеюсь хорошо их покормил. Я вышел на улицу посмотреть всё ли в порядке с дымоходом. Видна ли путникам парная белая отметина на небе над домом. Нетолстый, но не прерывающийся столб тёплого воздуха держит дом подвешенным к небу. Маяк работает. Должно быть видно на километры. Ясное лазуритное небо чуть затемнело на западе, стало аметистовым. Ещё час и наползёт на нас гематит с последней искрой света, а после и антрацит. Настанет время Волка. Приедет по небу Орион и станет хвастаться своим поясом. Я открыл калитку и посмотрел в сторону заметённого пути к остановке. Несколько дней назад по нему уходили прошлые гости. Варенье мне оставили и лопаточные хрящи Учителю. Неплохие в целом были человеки. Ступали легко и улыбались. Две недели просветления, это их термин, прошли с пользой. Для нас с Учителем это были просто ещё две недели жизни. Мы рады были оказаться полезными. Может новички не приехали? Очень это некрасиво с их стороны. С высокой берёзы, с тонкой её ветви на самом верху слетела и удалилась в сторону леса по-

следняя неспящая ворона. Иней посыпался вниз, замирая на лету как фата невесты. Я вспомнил как около обеда от дороги летели сороки. Их спугнул автобус. Приехали значит. Но пассажиры не пришли.

Я приоткрыл дверь и обратился к Учителю. Потрепал по холке, погладил. Тот был спокоен. Встал попить воды и снова шумно упал на бок в центре комнаты. Подставил живот под мои руки. Чесать и гладить. Всё хорошо. Дойдут. Что тут идти, часа два. Я читал, что каждый раз просветлённые оставляют что-то на пути на память. Кто варежку, кто ленту повязывает на дерево. Надо будет сходить посмотреть самому. Так что от остановки до нас не только дым из трубы, много всяких указателей теперь имеется. Учитель не волнуется. Шерсть гладкая и тёплая. Между пальцев лап торчит она комками, такие зимние носки у пса. Совсем не линяет, холодно, не время терять волос. Мудрый Учитель. Такой прекрасный. Перевернулся на бок и снова засопел, вот-вот язык вывалится наружу и прилипнет к доске слюнями. Блаженный. Показывает мне как надо жить в мире и покое. Страдания не войдут в этот дом. Суета не пройдёт. Голубые глаза прикрылись и закатились новым белковым эпизодом сна. Я ушёл подкинуть полено в печь. Низкое солнце отразилось от блестящего чайника и попало мне в зрачок. Оно уже висело на уровне забора и готовилось скрыться, оставаясь только в скважине затвора калитки. Перед покиданием земли солнце теряло свой янтарный цвет и как яблоко нали-

валось красным жирным сочным рубином. Сейчас ещё сердолик, но через пять минут чистый рубин. Пять минут достаточно чтобы отморозить пальцы если порвутся перчатки. Пять минут хватит чтобы сломать ногу застряв в снегу горожанину, сошедшему с тропы. Пять минут страха в темноте это... Вдруг там одни женщины приехали? Или подростки? Я незаметно для Учителя нагибаясь под окнами прокрался к сараю и взял топор и ружьё. Потом мышью прошёл в прихожую, в дом, к месту где у печи лежали всегда запасные рукавицы и шапки. Взял их тёплыми и скрутив положил в рюкзак. Налил два термоса чая и почти на цыпочках чтобы не менять блаженство Учителя вышел из дому. Именно в этот момент на забор присел ранний мрак. Из-под ворот ещё светила солнечная свеча, задуваемая поднимающимся ветром. Снег пришёл в движение. Лёгкая пороша дёргалась по углам огороженного участка, по вычищенным дорожкам, по скатам крыши. Шуршал снег, просыпаясь перед ночной вакханалией. Я проверил нож в сапоге, зажигалку, спички, фонарь, спирт в фляжке и прокрался к калитке.

Калитка отворилась ледяным скрипом, который вполне мог бы выдать меня. Прости Учитель, я послушаюсь. Уйду ненадолго. Прости, слаб я, не силён. Думал постиг, думал, что рутина мирская за забором не для меня. Уйду ненадолго, вернусь с этими неудачниками. Отогрею их, покормлю. А просвещение потом. Мы потом им лом дадим и лопату, про огонь расскажем и про блаженство лежать на полу с под-

нятыми лапами. А сейчас надо тихонько закрыть калитку. Не скрипеть больше. Не опозориться перед Учителем. Я вышел на корточках спиной вперёд на пяточок перед калиткой и уже не увидел свою тень. Солнечное яблоко надкусила ночь. По колено поднимался беспокойный снег с проснувшимся ночным ветром. Белый дым-сигнал моего печного маяка стал таять во мраке. Теперь найти нас можно было лишь по свету окна на втором этаже. Я повернулся в сторону автобуса и хотел было зашагать скоро на поиск учеников этих потерявшихся-проклятых. Но вынужден был остановиться.

Передо мной на высоком сугробе во всей своей красе стоял Учитель. Он вышел раньше меня и ждал пока я соберу человечьи вещи, без которых мы не идём в поход. Он был лохматым и выглядел крупнее себя самого. Всё знал про мой побег. Он то ли улыбнулся мне, то ли вздохнул и показал мордой на заметённую дорогу. Спрыгнул с сугроба и побежал в сторону остановки, по просеке, что теперь уже терялась в ночной тьме. Я включил фонарик и пошёл следом. Мои шаги не были так быстры как мне хотелось. Вещей я набрал с избытком, а снег оказался мягким. Я тонул с каждым новым шагом. Закалённый здешней природой я шёл не жалуясь. Тем более обет молчания, в отличие теперь уже от всех остальных, я пока не нарушил, Учитель тому свидетель. Я шёл как мог проворно, конечно не поспевая за ним. Тот то исчезал прыжками во тьме, то возвращался с неожиданной

стороны и тёрся у моих ног. Затем лохматый снова бросался в ночь и я терял его из пятна фонаря. От этого электрического света я словно слеп и не видел ни деревьев, ни звёзд на небе, только белое пятно, начинающуюся пургу и изредка попадавшего под свет белого Учителя. А чаще даже не всего его целиком, а то лохматые уши, то мощные лапы.

Я шёл тяжело и по прямой, изредка встречая петляющие следы. Хотелось бросить ружьё и рюкзак, но склонив голову я продолжал. Чтобы не сбиться с просеки и лучше ориентироваться на просвет неба меж деревьев я выключил фонарик. Давненько я не ходил до дороги, по ощущениям была половина пути, точно этого сказать никто бы не смог. Глаза привыкли к темноте, я наслаждался Орионом, что стоял как раз опираясь ногами слева и справа на ёлки по бокам просеки и мы шли на его звёздный пояс. Внезапно Учитель оказался прямо передо мной на высоком снежном бугре и неподвижно смотрел вдаль, почти по курсу нашего движения. Я также остановился и прислушался. Ветер гасил все звуки кроме скрипа сосны за спиной, снежинки мелькали и честно признаться я не видел ничего дальше хвоста Учителя. Почти ничего, потому что когда я постарался посмотреть точно по направлению его взгляда, то увидел два светящихся глаза. Они то появлялись во тьме, то мелькали исчезая, появлялись снова в другом месте. Один ли был у этих глаз хозяин. Метался ли он по снежному лесу или мы видели много пар глаз, что открывались и разрывались по очереди. Волк. Мы вы-

шли не в своё время. Время Волка, время учиться насилию и злобе. Учитель вдруг напрягся и завыл, закинув голову назад. Вой его заглушил снеговерть и очень удивил меня, испугал. Это было словно начало чего-то, знак. Вой продолжался может быть минуту и затем Учитель стремительно бросился во тьму в сторону, где последний раз мелькнули красные глаза. Я скинул ружьё и начал взводить курок. Другой рукой достал фонарик и пытался включить. Фонарик никак не включался и неожиданно вспыхнув лопнул. Увидев в новый раз красные глаза справа, я обернулся и нажал на курок. Выстрела не было. Я поднёс к лицу механизм, но тут ветер повалил меня и отчего-то я упал лицом в снег. Подскочив сразу же я не устоял на ногах и опять упал на этот раз на спину. Через меня то ли перепрыгнул кто-то чёрный, то ли ветер пробежал плотным потоком и сбил шапку. Я снова встал, выставляя перед собой ружьё и крутился в поисках красных глаз. Увидел, но выстрел не получился. Без перчаток я тряс оружие, передвигал затвор. Патрон был внутри, но ружьё отказывалось работать и я отбросил его. Достав топор и нож, я пошёл во тьму, туда, где как мне казалось шла какая-то возня, новый незнакомый шум. Комок звуков похожих на звук рвущейся простыни или скрежет железа о железо. Ноги проваливались в снег выше колена, я практически полз. Ещё пару раз увидел злые глаза и скорректировал свой маршрут. А потом снова меня опрокинуло, а топор зацепился за что-то и ветка ударила по лицу ледяными иголками. Слезы брызну-

ли из глаз, но я встал слепой от ветра и слёз, и поднял высоко свои режущие орудия. Я хотел кричать Учителю, но вместо того вертелся на месте, не наблюдая больше ни глаз Волка, ни направления дороги. В рот летел снег. Ветер снизу поднимал поток холода. Я остановился чтобы утереть лицо. Что-то снова показалось впереди, как мог быстро пошёл туда. Я кричал и махал топором, дважды упав, на коленках дополз до какой-то тени, оказалось большого пня и надо мной угрожающе скрипнул ствол дерева. И после вдруг наступила тишина. Холодный ветер притих и яркий Орион будто прибавил мощности. Я стоял на просеке и различал впереди свет, не похожий на домашний. Это был какой-то другой источник. Возможно гости развели костёр или у них был фонарь. Не пытаясь найти в снегу ружьё, я пошёл навстречу свету. Он оказался куда как ближе моего ощущения. То был заведённый внедорожник, урчащий и пускающий газ в небо, с освещённым салоном в котором сидели двое молодых людей и девушка. Негромкая музыка шла от приборной панели. Сквозь стекло сзади я увидел, как на сиденье с ними был Учитель. Большой и белый, с ещё не растаявшим снегом на шерсти между пальцами лап. Он блаженно принимал поглаживания людей и закрыл глаза. Я спрятал за пазуху топор и вложил нож в ножны сапога и взялся за ручку двери машины. Моё правое предплечье было в крови от трёх параллельных разрезов. Они рассекали одежду, мой рукав и кожу как будто меня трижды ранили саблей. Я не чувствовал боли,

только холод. Чтобы не пугать приезжих, шарфом замотал руку и потянул из темноты окружающей джип дверь на себя.

Сначала гости говорили торопливо, объясняли что-то про сломанную подвеску, неработающий навигатор и забытый ориентир. Про слоёную мультизадачность и выгорание. Удивлялись как было светло днём и как стало темно ночью. Они боялись выйти из машины из-за ужасных красных глаз и страшных звуков во тьме. Каждый говорил одно и то же по три раза. Но потом как-то разом они все перестали шуметь, догадались кто перед ними. Здесь, между запотевших стёкол и цветных пуховиков. Это не просто пёс из леса, это Учитель. А я его верный слуга. Приезжие замолчали, соблюдая обет и стали вынимать вещи из багажника. Смиренно они последовали по нашим слабо различимым следам к месту исцеления и просветления. Огонёк второго этажа искрил нам не хуже звезды с пояса Ориона. Пыхтение генератора намекало на уют и чай. Учитель намного опередил нас в пути и уже сгрыз свою порцию мороженого мяса, когда мы ещё только топтались у калитки. Ночь миновала свою середину и начала умирать, уступая место рассвету и знанию. Завтра Учитель начнёт свою благую работу. Покажет новеньким, что такое сладко есть и спать, радоваться снегу и птицам, и не делать вещи «не так», когда можно делать их «так как надо».

Куча

Мешала ли она мне? Что она делала такого, что не давало мне покоя? Стояла-сидела в углу участка? Бросалась в глаза? Заслоняла что-то важное? Не уверен. Угол её был тёмным с утра, поскольку тень от высокого забора накрывала. Рядом я почти не ходил, не ездил. Трава венчиком обрастала её, частично скрывая размер. Это была куча. Щебень или как там правильно называется. Масса довольно крупного тяжёлого необработанного негладкого камня. Такого, что в ладонь возьмёшь не больше трёх штук. Высотой мне по грудь, равномерная, развалившаяся на травке. Камни были перемешаны с таким же грубым тёмным песком, что теперь, спустя неопределённое время, выступал цементом. Не давал куче рассыпаться на более пологую горку. Я называл её куча. Не уточнял, что это камень. И она была старше моего участка. Она оказалась запертой внутри него по недоразумению производимых наделов. Вероятно, это была соседская куча, сохранившаяся от строительства дома или дорожки. Но после разграничения геодезистом участков в посёлке, куча не попала в пределы соседа. А затем земля, что находилась в том числе под кучей, досталась мне. Теория была гладкой, в отличие от каждого конкретного камня, формирующего кучу. Однако несмотря на заборы почти со всех сторон, реальных соседей у меня не было. Или они не проживали

и не построили дом, и всё такое прочее для чего нужен крупный щебень. Заборы были без фундамента. Не к чему было мысленно привязать эту горку. Она была ни для чего. Никому не нужная. Куча стояла бесполезной массой занимая четыре-пять квадратных метров моей кадастровой земли.

Мешала ли она мне? Не давала выращивать урожай, гулять с чашкой чая, пинать мяч, косить траву? Последнее немного верно. Но всё прочее надумано. Я даже не подходил к этому углу каждую неделю. Куча мешала на каком-то другом, ментальном уровне. Она была несовершенством участка. Бородавкой. Символом бесполезности и чего-то, что я не изменил, не улучшил, не победил здесь. Остальные углы давно подчинились беседке, клумбе, мангалу и машине. Мимо них лежали тропинки, росли вишни, горели шашлыки. Этот, если смотреть из кухни, дальний левый угол принадлежал не мне, а куче. Теневая зона, бесполезная для посадки и далёкая от всего. Этот угол с камнями мешал мне где-то внутри. Вне пределов досягаемости планов и покосов. Куча мешала мне жить, вить моё тонкую линию шёлка по этой моей земле. Она была зарубкой на линии жизни моей ладони. Скрипящей дверцей кухонного шкафа. Дождавшись прогноза в нескольких нежарких недождливых дней подряд, я решил убрать кучу. Перевезти её тачкой в другие места участка. Принудительно вынуть из неё пользу. Мне виделось, что в одном месте обязательно необходимо отсыпать три метра вдоль забора, в другом укрепить сваи, в третьем

рассыпать камень толстым слоем чтобы меньше весной было грязи и трава не пробивалась. Кучи должно было хватить на эти идеи, всё-таки она была немаленькой. Я вышел на поле боя вооружённый двухколёсной тачкой и совковой лопатой, предварительно переоделся в уличную рабочую одежду. Лето. Утро. Труд.

Первое движение, скорее удар лопатой по куче показал, что она абсолютно нерассыпчатая. Единым монолитом стоит и не собирается отдавать камешки. Ещё несколько попыток и моя совковая потеряв всю прошлую грязь и пыль заблестела, заточенная о камень. Покрылась мелкими ссадинами от попыток выковырять содержимое кучи. Я продолжал, цеплял снизу, из середины, и, наконец-то добыл несколько многоугольных камней. Они с грохотом падающего самолёта заняли место в пустой качке. Ещё двадцать или тридцать рывков, и я с улыбкой наполнил до верха тачку. Сложно. Туго. Но лопата может просочиться между слежавшимися песчинками и оторвать часть кучи. Вокруг меня стоял шум и оседало облако пыли. Первая тачка ждала рейса. Переезда туда, где эти камни, конечно же, невероятно нужны и важны. Я движением Гефеста попытался воткнуть лопату в кучу перед тем как взяться за ручки тачки. Лопата издала колокольный звук и отскочила в сторону. Куча была крепка. Она не впустила в себя инородное тело. Лопата отскочила на газон как от стены. Что ж. День только начался.

Я взялся за ручки и оторвав тачку от земли сделал шаг.

Второй. Тачка не двигалась, двигался только я. Она была нереально тяжёлой. Я упирался коленом, пыхтел и еле-еле поехал к беседке. Двадцать метров показались каторгой. Вывалив камни, я осмотрел качку. Она явно не подходила для работы с таким весом. Но, ничего. Я накачал колёса ещё лучше велосипедным насосом, смазал все вращающиеся части вечным «WD» и буквально двумя пальцами привёз мой самосвал к куче. Лопата поднята с земли и смена продолжилась. Не набирая, а именно выковыривая камни из кучи, уже почти блестящей лопатой я насыпал вторую качку. На этот раз чуть меньше. Не столько потому что я решил облегчить перевозку, в основном потому что я устал работать лопатой. Подход к тачке, подъём и снова пауза. Она не ехала. Дело было не в колёсах. Это было просто очень тяжело. Камни обладали какой-то скрытой массой, были каким-то неоткрытым бозоном противоречащим законам физики. Перекачивание колёс стало пыткой. Я вывалил вторую у беседки вместе со своим потом. Оглянувшись я увидел уже сформированную колею от двух колёс, совершенно не изменившуюся кучу и высокое белое солнце. У меня под ногами лежали жалкие несколько камешков несравнимые с горой в углу участка. Обман зрительный, физический, формы и массы. Но всё срастётся, всё будет, будет по-моему. Третий подход. Четвёртый. Моя лопата как скрипка визжа лезла в центр кучи. Рубить дерево каменным топором, полагаю, значительно легче.

Я освоил оптимальное движение с тачкой. Лёгкое приседание и выпрямление не за счёт рук, а ногами. Наклон туловищем вперёд чтобы разгрузить плечи и спину. И первый шаг выпадам чтобы не бить о тачку колени. Далее в колее пытался сохранить импульс, изменил колею так чтобы был небольшой уклон, разбил ногами несколько мешающих комков земли. Когда я завершал подвоз и высыпал камни, все эти мелочи казались работали, были важны и приносили пользу. Но только я снова брался за ручки полной тачки, я видел, что ничего не работает. Лишь моё упорство и временное наличие физических сил сохраняет темп работ. Десять тачек спустя я обнаружил несколько важных вещей. В куче появилось маленькое отверстие, размером может быть с футбольный мяч. Это был единственный признак, что я в ней что-то изменил. На небе солнце вопреки всем прогнозам жарило как в Египте. Я промок насквозь, высох, снова промок и прилип к своей одежде. Место куда как мне казалось я свезу половину кучи закончилось. Мне придётся возить дальше и думать наперёд маршрут и новые места для щебня. Бесконечного щебня. Я сделал перерыв, пил воду и смотрел на кучу. Та, после моей трудовой разведки, не казалась мне уже муравейником, она была Эверестом. Я раздобыл кепку от солнца, поменял перчатки и лопату и продолжил. Невесёлая музыка сопровождала мой рабский труд. Стук металла о камень, затем грохот камня о металл, кряхтение и редкий скрип колеса, шум падения камней на землю и глубокое

дыхание. Симфония кучи. Чтобы мотивировать себя на продолжение я принёс холодной воды и включил свою музыку в мобильном, в кармане рабочей куртки. Симфония камня меня не устраивала, хиты из кармана были приятнее на слух. Я перестал считать тачки с камнем, решил работать ещё час, не смотря на усталость.

Камешки были разными. Красными кусочками гранита, серой округлой галькой, чёрными с прожилками звёздных блесков. Иногда просто покрытыми сухой грязью. Иногда желтоватыми. Я развлекался, мысленно присваивая адреса каждому подвиду. Этот из статуй Луксора, тот от дороги из жёлтого кирпича к Изумрудному городу, в том наверняка внутри золото или алмаз, так блестит, а подобные можно найти вдоль железных дорог, на них лежат шпалы. Отвлечь голову от редкого в моей жизни тяжёлого труда было совершенно необходимо. Я мог бы сдать до обеда, если бы не придумывал себе подобные отдушины. Подпевал и разговаривал с вороной. Я проработал ещё час и ушёл на заслуженный отдых в тень кухни. На участке появились протоптанные качкой дороги, тут и там камень застилал траву, пейзаж начал меняться. Менялись мои потовые железы, они раскрылись как кратеры на Луне. Брови покрывались солью. Рвались перчатки, сдувались колёса, ныло под рёбрами. Мир жил, старел и изменялся. Всё кроме контура кучи камня в левом дальнем углу. Он выглядел так же, как вчера и было абсолютно неясно, откуда я навозил столько камней,

если куча стоит своей массой нерушимая подобно дружбе народов. Пообедав я встал, ощущая местами растянутые, местами свинцовые мышцы. И все эти места, оказались именно теми, что никогда до этого, ни на какой физкультуре, ни в какой качалке, не принимали на себя нагрузку. Ныли и отекали мышцы, о существовании которых я не знал до этого дня. Какие-то боковые мышцы спины, глубокий трицепс, что-то над коленом и между грудью и прессом, загадочные мышцы тыла стопы. Восполнив водно-солевой баланс, я вернулся к куче. Та, защищалась жарком солнцем, скользкой травой и слипшимися в неподъёмный Кубик-рубик камнями. Камни то становились мелкими и рассыпались с лопаты, то крупнели и залезали в неё по одному. И то, и другое приводило к необходимости выполнять больше движений, больше бросков в тачку. Работая как гном в шахте, я продолжал вгрызаться в породу. Вскоре произошло чудо, придавшее мне сил ещё на пятнадцать минут. Кинув со злостью лопату в кучу, отметил, что та, впервые упала не сразу, а чуть задержавшись постояла словно в снегу. Завалилась она уже после того как я отчалил с тачкой перед собой. Камешки расступились и пропустили кончик железа внутрь. На обратном пути теперь приходилось подбирать камни с колеи. Они норовили выпрыгнуть при малейшем качании. С таким трудом попадая в чрево металлической тачки, тем не менее выпрыгивали из неё легче, чем зонтики одуванчика при ветре. Я отработал весь день. Промок в каждой из своих уличных футболок.

Загорел шей и предплечьями. Не смотря на толстые перчатки натёр мозоли. Но я был доволен. На участке угадывался смысл всех этих камней. Они теперь лежат не просто так, а делают работу, помогают жить. Всё идёт по плану. А куча, на кучу я решил не оглядываться, уходя в дом после своей самопридуманной смены. Я не показал куче, что очень устал. Я думаю она и так догадывалась по брошенной мной на пути эвакуации тачке и лопате, которые я даже не потащил до двери. По перчаткам, повисшим на ручках тачки и по недопитой воде в пластиковой таре, что осталась ночевать во дворе. Я взошёл на три ступени крыльца словно на вершину Кёльнского собора, долго и трудозатратно, так устали ноги.

Спал замечательно. Упал в кровать рано. Уснул крепко. Мне снилось, что я тащу пианино по лестницам подъезда пятиэтажки без лифта и всё происходит в киношной советской атмосфере. Где-то между «Бриллиантовой рукой» и «Гаражом». С добрыми тётями и дядями, попадающимися на пути. С пионерами в галстуках пролезающими под застревающим на площадках инструменте. С консервными банками полными окурков «Примы» на подоконниках межэтажья. Я не видел с кем волок пианино поскольку нёс заднюю часть. Передние рабочие всегда были ко мне спиной. Широкой потной спиной с небритыми подмышками и затылками. В кепках в рубчик. Мои ноги и руки устали во сне. Мои мышцы, ладони, подошвы и я были отчего-то счастливы. Когда мы во сне отдыхали от подъёма, пропуская спешащих в гастро-

ном граждан столицы, я начинал играть, бил по клавишам. Звук я не слышал и во сне объяснял себе это тем, что играть-то я не умею. А клавиши из кости слона упруго вдавливались и подпрыгивали под моими пальцами. Пантомима радовала остальных грузчиков. Как будто они всё же что-то слышали. Они уважали силу искусства. Только я был глух как к музыке, так и к труду.

Я проснулся выпавшимся в начале рассвета и чувствовал себя относительно сносно. Лишь большой синяк на правой коленке напоминал о непобедимой куче, ждущей толчка ногой тачке и сне полном труда ради, непостижимого ухом грузчика, искусства. В руки сам собой полез смартфон с его вечными единичками напротив фотографий людей. Однако я зашевелил пальцами в другом направлении. Давно хотел посмотреть, что было на месте моей фазенды раньше. Посёлок молодой, но земля старая. Что тут было? Никаких архивов в интернете не нашлось, кроме краткой информации, что в соседней деревне, а значит, возможно, и рядом с моим теперешним домом был бой с немцами. Но я подумал, что на обычных гугл-картах может быть сохранена спутниковая фотография места за прежние годы. Так часто происходит, в местностях необжитых, где гугл-мобиль проезжает раз в жизни, спутник пролетает по случаю. Старые карты висят и висят, фото не обновляются, а даже если обновились, пользователь может посмотреть архивные. И я вошёл во всемогущий интернет. Старую версию местности обнаружить уда-

лось быстро. Но точно сориентироваться в отсутствии дорог и домов свежеепечённого посёлка оказалось непросто. Доверяя только линии ручья, совсем немного линии кромки леса я лежал под одеялом вычисляя место своего дома. Хоть бы болото не увидеть на своём участке. Я был согласен просто на абстрактную полянку, колхозное поле. Одно одинокое дерево было хорошо видно и напомнило мне соседний надел, необитаемый и поросший растением Сосновского. Там как раз росло крупное дерево. Ещё минутка, поворот карты и я был почти уверен, что смотрю на свой участок в совокупности с несколькими соседними. Действительно почти полянка с петляющей тропинкой в сторону леса, теперь не существующей. Я увеличил фото и тут же напрягся. Пресс занял и поясница отозвалась скованной тупой тяжестью от самых лопаток до ягодич. На предполагаемом месте моего домика я чётко увидел тёмную пирамидку – кучу. Серо-коричневая, она была освещена на этом весеннем фото и различались отдельные пиксели камешков. Я поискал данные, самое старое фото выполнено шесть лет назад. Что ж. Куча не имеет отношения ни к соседям, ни к геодезистам, она коренной житель. Она была здесь до нас. Это ничего не меняет. Я сейчас встану и её развезу, разбросаю куда планировалось. Сейчас. Вот уже. Да, я смогу. Я встаю.

Что вы знаете о мышечной боли? Я и до этого утра знал не мало. Но вся мышечная боль до сегодняшнего дня была у меня символом успеха, наградой, знаком превосходства.

Мышцы ныли после пробежки за последним вагоном поезда везущего меня к приключениям, после подъёма личного рекорда в штанге или гантелях, после отличной оценки за подтягивания или упражнения на пресс. Я видел на себе синяки – знаки моих побед. В драках, перестановке мебели, ношении на руках девушек... Сейчас мышцы вели другой монолог. Они были чужими кусками плоти, им было неуютно во мне. Неуклюжие слои перемешались под кожей. Все мои мышцы находились не на своих местах. Иначе как объяснить, что болело между лопаток, в своде стопы и в крестце. Именно там теперь прятались мои бицепсы и трицепсы. Позорно сбежали от тачки с неподъёмными камешками. Крохотными такими монпансье из мрамора и гранита. Я конечно же встал, позавтракал и пошёл работать. Но. Каждое обращение чайной ложки в кружке, каждый взгляд на часы отзывались во мне неведомой костно-мышечной болью. И то была не боль побед, то была боль жизни. А для чего мне вообще даны мышцы? Не для того ли чтобы разрушать кучи и собирать новые? Я ведь человек. А это такая скотина, которая думает. А подумав начинает что-то двигать, таскать или ломать. Хорошо, если просто кучу земли или навоза, бывает, что и других людей.

С наскока я перетащил четыре тачки. Затем пришлось адаптироваться. Ноги не шли, кисти разжимали ручки двухколёсного транспорта. Я стал бросать меньше камней и больше переложил нагрузку на руки. Бицепсы и трапеции пыта-

лись временно компенсировать утомлённые спину и бёдра. Я перестал чувствовать пот, прилипшую футболку и солнечный ожог лба и шеи. Я перестал смотреть на колею на траве. Я только втыкал металл в камень, грузил камень в металл и опрокидывал камень из металла на землю. Лишь последняя, без грохота и пыли, молча и мягко принимала камни. Земля была умнее всех нас, людей и инструментов, для неё местоположение кучи роли не играло. В момент выгрузки, в тот момент камни казались лёгкими и маленькими. Мать-земля клала их аккуратно и заботливо, подставляла почву и клевер на ней. Ни один кусок базальта не чувствовал себя одиноким и лежал как на перине в новом месте. А я разворачивался и отравлялся к всё-таки уменьшающейся куче.

Она таяла. Тень её из пирамидальной превращалась с огрызок яблока, в модель недостроенной «Звезды смерти». К полудню второго дня она начала сдаваться. Край осыпался, дыра в центре стала похожа на вход в пещеру, на грот. Лопата иногда могла не падать после попытки воткнуть её в кучу. Я сменил плейлист в плеере на Элтона Джона и чуть сбавил темп. Смертная лирика и вечный гранит, это так по-человечески. Пот хлюпал уже у меня в ботинках, под носками. Загорели под беспощадным солнцем такие места, что не загорали никогда, такие как уши и лодыжки. Мозоли – сухие и толстые – больше не нуждались в защите перчатками. Я возил голыми руками. Ладони превращались в тот же камень, что составлял кучу. Руки стали напоминать руки отца

или даже открытки ко Дню Победы, где солдат с грубыми ладонями принимал нежные цветы. Перерывы на попить стали реже. Элтон Джон лирично сообщал, что я буду благословлён и что не стоит никогда говорить другу прощай. Я чувствовал на себе благословение природы, эволюции и до слов расставания с кучей было очень далеко. Я закалялся в этой странной работе. Лопата стала невесомой. Только через три рейса я заметил, что колесо тачки погнулось и я частично ве-зу её просто на металлическом осто-ве. То есть ташу по земле. Наверное, я потерял чувство массы тачки, оставались только миссия и направление движения. Это было второе дыхание и начало смерти кучи. Может быть поднажми я после обеда, всё закончилось бы на второй день. Но я расслабился на волне эффективности и позволил себе начать рассматривать камешки, что водопадом сыпались к месту новой дислокации. Убивая одуванчики и клевер.

Маша. На одном из ровных камней, напоминающим половинку яблока была нацарапано «Маша». Я сел от неожиданности. Царапины были глубокими, рана камню нанесена металлическим инструментом, человек постарался. С обратной стороны ничего не было. Отложив камень, я начал шарить руками по дорожке, что я формировал у забора. Переворачивая тут и там самые крупные и плоские экземпляры, я обнаружил кусок, звавшийся «Вадим». Больше ничего не было. Как «Маша» и «Вадим» попали в центр кучи камня у чёрта на куличках? Вчера они мне не попадались или я был

так ослеплён трудом. Вернувшись к куче, я начал грузить внимательнее, выбирал из глубины и предварительно осматривал в тачке. Привезя её на место через участок, я проводил ладонями по камням, особенно по более гладким, желая обнаружить больше имён. Практически в каждой тачке я находил какого-нибудь «Серёжу» или «Ивана». Садясь обедать передо мной уже была линейка из семи именных камней. Два женских и пять мужских. Русские имена, нацарапанные на похожих серых или белых плоских камнях. На гранитных многоугольниках особенно не нацарапаешь, они выбрали что-то вроде морской гальки. Теперь я знал, что искать. Все камешки с названиями были однотипными. Их добавили в эту кучу бесформенных острых обломков из какого-то другого места. Я ел и листал карты в сети. Пытался обнаружить больше информации на фото, где шесть лет назад уже была различима куча. Поодаль от неё мне удалось идентифицировать дорогу. По ней явно ходили и ездили возможно, что и на машине. Она не доходила до кучи метров сто, а на её другом конце, через несколько километров старой просеки, было соединение с ныне существующей асфальтовой межпоселковой дорогой. Где-то там я сам видел однажды остов разрушенной автобусной остановки. Бетонную коробочку полную окурков. Сейчас общественный транспорт здесь не ходил, дачники добирались на своих авто с другой стороны поселения. Второй, более интересной находкой, стал квадрат на траве, метрах в пятидесяти от кучи по фото. Я пытался

понять по расположению деревьев где он теперь. Это был скорее всего старый фундамент дома. Стоя у окна с телефоном и компасом я понял, что и та дорога, и фундамент, ныне перечирканы нашими заборами и расположены где-то за моим участком. От кучи до следующих двух или трёх застроенных, но нежилых или незастроенных, но огороженных соседских наделов. Ничего удивительного в фундаменте не было. Местность не такая уж дикая. Странно, что не видно другие квадраты. Наверняка здесь всегда была ферма или деревня. Вот даже и асфальтовая дорога недалеко. Больше информации гугл не дал. Дом над фундаментом мог сгореть или его разобрали. Куча теоретически имела к нему отношение. Вряд ли в то время участки были по десять соток. Даже у меня четырнадцать. Раньше, я думаю, в этой местности никто не считал сотки. Куча вполне могла принадлежать тому дому с квадратным фундаментом, подумаешь пятьдесят или сто метров. Природа. Свобода. Похоже, что у моей кучи всё-таки был когда-то хозяин.

После перекуса я отправился уже не на рабский бессмысленный труд, а на археологические раскопки. Всё обрело новый смысл. Мышцы получили аргумент. Никакая их тряска и боль, электрические прострелы, не брались теперь в расчёт. Я забывал пить воду, а содрав кожу на мизинце лишь смахивал кровь даже не озаботившись пластырем или повязкой. У меня было дело. Я искал камни с именами. Когда лопата впервые забрала камни с уровня земли, в мо-

ей коллекции было пятнадцать имён, включая экзотическое «Logena». Я был счастлив отправляясь спать рано, чуть только солнце опрокинулось за лес. Я спал ещё глубже, чем вчера. А проснувшись, первым делом посмотрел, как плохо видна куча из окна. Ведь её не было. На её месте серела на фоне скошенной травы пятно из камушков три на три метра. За завтраком на меня смотрел ряд поименованных камней. Полная сковородка омлета уходила в мои недра и вспоминались фильмы, где герои ели на завтрак коктейли из яиц, завтраки чемпионов. Я проснулся железным. Любое моё место, каждый сантиметр кожи был плотным. Я хотел начать новую кучу. Мне нужна была куча больше прежней. И я отправился сказать ей об этом. Стоя над бывшим основанием кучи камней, оглядываясь на те важные для меня зоны участка, где теперь бессмысленные камни играли какую-то роль, я вдруг ощутил гнев. Куча умерла, но ничего мне не рассказала о себе, о прошлом. Зачем эти загадки? Что это всё значит? Вани и Маши явно не колхозники и не дачники, почему их тут так много? Здесь до леса с волками рукой подать, а некоторые буквы на гальке напоминали детские из прописей. Что это вообще? Пионерлагерь? Я покорила тебя куча, но в чём был секрет? Это моя земля, рассказывай! Я ударил по основанию кучи ногой и несколько камней улетели в траву.

Я опустился на колени и стал собирать с почвы последние камни. Последние может быть слои в два или три ряда ушедшие под тяжестью кучи вниз. Притащив несколько

пустых пластиковых вёдер от высаженных в прошлом деревьев я с остервенением наполнял их камнями. Мои движения ускорялись. Я соберу всё! Я выну каждый из земли и выброшу. Здесь не будет кучи, не будет тайн. Я не потерплю такого отношения к себе. Сухая земля неохотно отдавала последнее. Сломав ноготь на указательном пальце, я вернулся к камням в перчатках. Рвал и бросал. Вместе с землёй и травой. Я стоял на четвереньках и двигался по кругу вырывая каждый камень вплоть до глины. Затем хватал вёдра и носил к забору. Камней оказалось ещё очень много. Я ломал вёдра, их дно и ручки, менял перчатки. После двадцатого ведра я сбился со счёта. Куча продолжала издеваться надо мной. Внизу, там, где был её самый корень она по-прежнему была огромной. Кровь запачкала мои колени. Я вошёл в какой-то транс и не мог остановиться подбирать камни и наполнять вёдра. Что-то случилось со зрением. Перед глазами мелькали цветные звёзды. Если поднять голову и смотреть на небо, то казалось, что оно наполнено какими-то летящими вертолётами-звёздами. Я опускал глаза на свои перчатки и видел, что они все в блестящем красном лаке, будто я весь день убивал кукол Барби. Я мог бы убивать. Энергия шла из меня непрерывным потоком. Мне не к чему было приложить ту огромную физическую, а может и духовную силу, что я обрёл с кучей и тачкой. Камни я выдираю с корнями трав и стал носить по четыре ведра за раз. Воздух вокруг стал тяжёлым, распрямляясь с вёдрами, мне было тяжело ид-

ти не от груза, а от давления, сопротивления столба воздуха передо мной. Он не пускал меня. На участке происходила магия. Эта мистическая перемена ещё усилилась, когда в самом центре основания кучи я наткнулся сразу на несколько десятков именных камней. Там были все возможные «Вали» и «Тани», имена повторялись, но не повторялись почерка. Последним слоем был плотный ковёр из оцарапанных камней. На отдельных кроме имён были нарисованы цветочки и какие-то символы, домик с трубой, а на одном даже топор. Я глубоко дышал и пальцами рыл дальше, рыл землю под этими последними камнями. Не мог объяснить зачем. Не откладывал имена и не читал их, не удивлялся рисункам. Я сидел на заднице расставил ноги и рыл пальцами почву у себя между ног, отбрасывая её под коленки. Пот капал в образовавшуюся яму и жутко щипали мои руки, покрытые блестящим лаком и яркими звёздами, что скорее всего были лишь у меня в голове. Как сумасшедший ребёнок в песочнице я загребал к себе землю и камни. Мне было мало вырвать их, я хватал всё подряд, пытался ликвидировать даже тень, даже память о куче.

Всё кончилось, когда я достал обеими руками из ямы два крупных предмета. Прошли галлюцинации. Перестало печь солнце. Кончились камни. В левой руке я держал большую металлическую миску, какую покупают для крупных собак. В правой был закрытый тоже металлический ящик. Он очень походил на стерилизатор для многоразовых шпри-

цев, неотъемлемый атрибут медпункта в фильмах про войну. В яме больше ничего не было. Я поставил в неё свои стопы и осмотрел, держа на коленях находки. Ноги почувствовали прохладу земли. Мои грязные ладони держали клад. Миска кроме размера, литра на три, ничем не была примечательна. Немного помятая и поцарапанная она могла бы без сомнения служить по назначению хоть сейчас. Я отщёлкнул блестящую крышку коробки, что закрывалась двумя замками-петлями. Внутри лежал пепел. Чёрный с белыми прожилками. Я закрыл крышку.

По траве пополз тонкий ветерок и пробудил во мне лёгкую дрожь кожи, мурашки. Тем не менее, сидеть на траве с ногами в земле было комфортно. Температура была самая летняя. Думаю, под тридцать градусов. Жара. Но такая моя жара. Я её заслужил после долгой зимы. Какая куча, ты не такая. Не такая, как я думал в начале. Вот уж куча сюрпризов. Тебя уже нет, а загадки твои остались. Я сходил за лопатой и значительно углубил ямку. Потом бережно опустил туда стерилизатор с чьим-то пеплом. Закопал. Снова сел на траву и стал наполнять миску камнями с именами. Возможно собрал не все. Я вдруг что-то понял или устал. Или это называется покой. И когда относил миску в дом мне подумалось. Отчего не завести собаку? Такую умную и тёплую. Большую, пушистую или гладкую. С ушами. С лапами. Миска у меня уже есть. Мне стало смешно отчего-то. Радость набросилась и стала щекотать подмышки. Я принял душ, умывался и всё

не мог успокоиться. Чувство детской смешной радости без причины не покидало. Я перегрелся на солнце или переутомился. С потом вышли важные ионы и у меня сейчас не щекотка, а судорога. Мне было всё равно. Я хотел собаку. Я буду баловать её, возить в тачке по участку. Просто так, ни для чего. Мы станем бегать по снегу зимой, по лужам осенью. А в жару, как сегодня, будем лежать в тени забора, на месте прежней кучи. Шампунь жёг мои ссадины и мозоли, попадал в глаза, а я всё улыбался и хихикал. Солнце заливало через окошко мою дачную ванную комнатушку. Миска с камешками стала ждать собаку внутри дома. Чистый и хихикающий я ещё долго ходил туда-сюда по дому и то придумывал имя собаке, то чертил на листе бумаги макет будки. К ночи я решил, что будки не будет, собака будет жить вместе со мной внутри дома. Я уснул сразу и глубоко. До самого дна подсознания, где не было ни снов, ни названий у вещей. Оттуда меня с большим трудом вытащил какой-то гормон, отвечающий за пробуждение от света солнца. Кусок того света сквозь занавеску падал прямо на мои веки. Полный свежести и смысла я встал чтобы делать дела с радостью.

Чудеса радости продолжились и днём, когда всё спорилось и решалось без проблем и вечером, в период заслуженного отдыха. Возвращаясь из магазина с тортиком и вином, по случаю завершённой очередной работы, я заметил кого-то маленького следующего за мной. Следом шёл, трусил, путаясь в своих мохнатых коротких лапах, пузатый, крохотный

щенок. Почти белый с нелепым клоком-ирокезом на загривке. Он нагнал меня и завалился, сел, опираясь спиной о высокие шнурованные ботинки. Я поднял его и осмотрел. Покрытое пушком пузо, пупок, волосатые подмышки, голубые глаза. Чудо. Комок чуда. Боясь, что он выберет ещё кого-то, а не меня, я не отпустил его больше на землю. На руках понёс к дому. В лохматом зверьке было килограмм десять тем не менее. Конечно мне, теперь закалённому мне, то была смешная ноша. Кажется, эта дворняжка не совсем дворняжка, а зародыш какой-то крупной собаки. Вот поместится ли щенок в тачку, когда вырастет? Когда захочу его покатать по газону? Хе. Какие глупости у меня в голове. Мне теперь такое думать будет некогда. Ещё и миску надо чем-то наполнить. Я остановился и развернулся назад к магазину. Ускорился, пока не закрыли. Мне нужна домой собачья еда. Нельзя возвращаться без неё. У меня же теперь Пёс.

Жара

Тридцать один.

Упираюсь ногами в книжный шкаф потому как не помещаюсь полностью на диване. Диван не предполагался как средство для лежания. Думалось, только для сидения двух персон. Никак не для праздного спасения горизонтального тела был куплен этот диван. Предназначением его мыслилось убаживание ягодиц сидящих, желательно разнополых людей. Теперь вот на, лежат на нём длинные части одного. Мужская спина, поясница и бедра. Голени и стопы же через прослойку тяжёлого горячего воздуха упираются в шкаф. Из-за стеклянных дверей шкафа смотрит на длинные мои части ряд биографий Маяковского и собрание Воннегута и много прочих прочитанных томов. Такие дела, Курт. От жары книги разомлели, отодвинулись друг от дружки, просели, размаялись. Появились щели в стройных рядах, где воздух цвета пламени свечи стоит мягко-твёрдой затычкой, жевательной резинкой, гудроном, капающим на невинную стопку медицинских журналов внизу. И есть расстояние между томами, и нет его. Жвачка издали – промежуток, но попробуй-ка выдернуть Курта из ряда. Липкая жара порвёт корешок на тысячу нечитаемых слов. Никто не пытается. У этих книг был читатель, да всё прочёл. Я лежу напротив, придавливая ногами дверцы, чтобы Маяковский с Вон-

негутом не вышли, не увидели до чего мы тут дожили, не заговорили со мной лесенкой, не вздыхали как над безнадёжным. Оставайтесь на полках. Сгорите в этом зное тихим застекольным огнём. Вас всё равно кроме меня никто не читал, не читает и не станет читать. Вы неактуальны. Лирика и пацифизм. Вы мастодонты неактуальности. А ну, не смейте смотреть на меня укоризненным корешком! Больше не будет книг. Кесарю – кесарево, мобилизованному – мобильник.

Четыре, тяжёлые как удар мои конечности не в силах выполнять полезную работу. За стеной иссыхает скошенная и неубранная трава. Поставленный и недокрашенный забор. Посаженные и неогороженные лилии. Всё недоделано. Всё ждёт ночи. В тридцать один я могу только подпирать шкаф, защищая нервную систему классиков от выхода из себя. От взгляда наружу. Кстати, о ночных трудах, купил новую тачку. Натурально, не смотря на рост цен, кризис выбора и советы дефлюенсеров. За четыре восемьсот. Шика-арную. Отчего раньше не купил? Отчего пешком ходил-убегал? Отчаявшись носить вёдрами, вожу качкой. В ближайшем строительном рынке для своих, без постов и росгарды, под закрытие, со скидкой в двести, взял и укатил. Двухколёсный дребезжащий помощник теперь тоже ждёт ночи. С ним под двадцатую девятую развезём воронежскую землю по подмосковным ямкам, тут досыпаем, там поровняем, сделаем приятно и абрикосу, и черешне. Если не сдохнут они до ночи в адовом пламени лета. Если я смогу встать с дивана

для сидения двух персон. Если не упадёт шкаф от возмущения писателей на меня и не задавит бледную тень-пародию на страдание и початок творчества. Извините, дядьки, в моё время нет революций и тюрем за громкие крики лозунгов, не выгоняют из страны за манифесты. В моё время нет мировой войны, нет голода и вопросов зерна. Мы живём мирно, демократически, питаемся вай-файем с соевым фалафелем и не трясёт нас от передовиц. Наш главный враг, как и всегда в истории, есть сам наш народ. Ценитель сильной руки и лживого врага. Если таковых нет, но на раз-два рассчитайсь и вот тебе половина народа – враги. Осталось только бицепс накачать. Кто если не мы придумаем себе врага и победим его. Дикой дивизией имени Каина.

Я достал телефон и убедился, что по-прежнему ничего не видно через яркий свет дня, телефон раскалён, как и моя ладонь. И всё же, сложив из ладоней полусферу и пролив тень на экран я пробежал по строчкам текстов. Криэйторами новостей сегодня прислуживали вырезанные из рубля идиоты. «В России подешевела икра». «Реальный доход населения вырос на 8% год к году». «Ажиотажный спрос на новый „Москвич“». Спасибо тебе серая симка за дар новостей свободных зазаборных людей. Почитаю как они хорошо живут, завидую. Может и вырвать от позитивных перспектив с непривычки. Во время бега по заголовкам через дырочку в сложенных ладонях я не забывал прижимать ногами дверцы книжного шкафа. Стыдно будет если классики подсмотрят.

рят о чём сейчас пишут на русском языке. Томик рассказов Чехова 1970-го года издания уже стукнул в стекло с той стороны. Что там на воле? Лишь бы моя коллекция биографий Маяковского, в тяжёлых остроугольных кирпичах не начала падать с верхней полки. Бывало и я писал, было время доносил до людей мысли. Предупреждал, так что аж меня стали предупреждать. Но это никому не нужно, Антоша, одни проблемы от этого. Больше не буду ни стрелять, ни писать. Сейчас чтобы прослыть инакомыслящим можно уже не писать, просто мыслить. Через минуту-другую тени от ладоней перестало хватать и поле зрения залил летний огонь. Экран превратился в зеркало отражающее кусок моего лица. Чёрное зеркало. Где-то в зазеркалье ещё мелькали буквы, но этот уходящий поезд, эту кроличью нору следовало отпустить. Свет и жар залил ладони, ступни, державшие дверцу от вырывающегося Чехонте, потолок с лампочкой на толстом белом проводе, пол – бильярдный стол – с раскиданными по нему мячами для игры с псом. Тело в коротком диване обмякло мочалкой. Горячая кровь пробилла мозговой барьер и остановила работу центра, ответственного за тонус и симметрию. Роль убитого в поле дезертира я всё же пластично исполнил, только на диване.

Двадцать девять.

Радиация тепла от земли грела пятки через резиновые шлёпанцы, вода в шланге была кипячёной, колёса тачки оплавилась, пошли пузырьём. В полной темноте грабли соби-

рали скошенную не совсем в полной темноте траву. Ящик для компоста раскрыл пасть как бегемот и ждал скрипа колеса. Деревья, что отказывались днём отбрасывать тень на землю, теперь отбрасывали её на небо. Лето не закончилось. Жара никуда не ушла. Безветрие было таким густым, что перемещаясь по участку приходилось перед собой прокладывать путь через воздух. Отодвигать руками горячее прозрачное нечто, как паутину при ходьбе по лесным тропкам. Иначе стоячая гарь могла привести к ожогу или ушибу лба. Мы с тачкой вывалили в зев ящика убитую дважды траву. Сперва леской, потом солнцем, и сверху закидали её же спрессованной кровью, смявшейся в пластилин на защитном экране бензокосилки ливерной колбасой, лимфой скошенной травы. Эту травокашу, собранную в ладони можно есть. Комкать как веганскую котлету и есть. Фалафель из клевера и одуванчиков. Я попробовал понюхать скомканный шар, выжать из него каплю воды, не пахнет, не течёт. Скорее подойдёт как образив для кожи, как жмых из кофемашины, отшелушить с себя страх и ненависть. Нет воды в траве. Нет света на участке. Я кротом перевожу на ощупь тачку, что пытается выдать меня скрипом на место у крыльца, перехожу к поливу.

Заурчало чудо белорусского насосного дела и по пятидесятиметровому шлангу зашаркала, цепляясь за сухое нутро резины, возвращающаяся из Аида ледяная вода. Умыл руки, умыл ноги, умыл лицо. Вышел ступнями из лужи под собой

и стал поить природу. Сливу, алычу, вишню и далее по лемарковскому списку. Оживление произошло не сразу. Первым живым из-под шланга вышел мокрый пёс. Он сел в тачку и стал кататься по недовыровненному участку от недостроенного забора к дому, неизменно попадая во все ямки, что вырыл он же во времена лихих игр весной. Намокшие глаза поначалу отражали блеск луны на его клыках и даже немного отвисший язык. Но через минуты и пёс, и я, и алыча снова стали сухими в плотной завесе жара от земли, снова просили пить, не чувствуя, как холодна подземная спасительная жидкость. Полить. Ещё полить. Но остановиться. Страх, что вода закончится в этой бездождливой стороне, страх приказал остановить ток, умертвить до следующей ночи насос.

Снова стало тихо как перед первым разрезом в операционной. Вишня остановила рост и обиделась. Пёс перестал гонять в тачке. Я перестал дышать и упёрся лбом в столб горячего воздуха перед собой. Луна, тупая и ненужная как десертная ложка стала размытой и неровной в мареве жаркости бытия. С юга на север пролетела дрянь. Чёрная крестообразная на фоне сине-фиолетового неба, пролетела бесшумно. И чёрт с ней. Лишь бы только за Редькино её не разорвало на куски, лишь бы не привлекла внимания к моему углу суши. Лети, дрянь, на север. Вся дрянь летит на север и ты лети. Я подозвал пса и закрыл ему глаза руками чтобы он не увидел летящее и не подал голоса. Наш чёрный прямоугольник участка с пастью компостного ящика, с ма-

товой не умеющей блеснуть тачкой, без фонарей и отражения в воде, невидим и не нужен никому. Так и будет. Дрянь пролетела без суеты и манёвра. Пёс ушёл куда-то, вычислив не самый жаркий метр и шумно лёг с выдохом там во тьме. Небо без дряни, можно и подышать. Найдёт дорогу сам. Я обернулся на контур дома. Стены ещё маялись и вибрировали от градуса. Настежь открытые окна, бессмысленно пытавшиеся весь день снизить жар, теперь бессмысленно пытались заместить один тугой несжимаемый горячий воздух на другой такой же, только сине-фиолетовый. Свет, разумеется, не горел нигде и тысячи насекомых не подозревали, что над травой высится обиталище человека. Без маяка лампочки, недалёкие бесскелетные не залетают в окна. Не садятся на потолок, не жалят уснувшего от усталости хозяина. Я попытался сделать что-то полезное в саду. Наступил в темноте на сорванные и недоеденные воронами яблоки. Снял несколько слив, которые поленились украсть сороки. Попытался во тьме понять долго ли ещё зреть вишне, груше и тому абрикосу, что я посадил по ошибке. Все ягоды были серыми и на ощупь плотными, не пахли. Время сбора не пришло. Затем я застыл и прислушался. В посёлке были звуки, тихие как разговор или урчание машинки для бритья. Кто-то ещё проводил здесь время, но также не высовывался. Света не было, сколько я мог видеть, встав на перекладину забора. Возможно это работает автомат-очиститель или старый холодильник в пустых соседских домах. Если яблоки воро-

ны будут так таскать и дальше, то скоро мне идти в магазин. Мероприятие это следует оттянуть. Наличных мало, а об использовании карты лучше не думать. Всё, больше никаких дворовых забот и слепых обследований. Пора спать. Пора делать эту трудную работу. Дышать горячим воздухом голым в темноте с закрытыми глазами пока не наступила парализующая жара дня.

Тридцать один.

Пью холодную воду. Принял к сведению прошлую ошибку пить холодное вино. С ним пустой день превратился в провал. Меня не устроило, тем более что вино дороже воды, а охлаждение не менее иллюзорно. Подпер книжный шкаф стулом и сижу у лестницы между щелью окна и щелью двери. Пёс указал это место вчера как прохладное. Хотя кого обманываю, как наименее раскалённое. Приняв душ в третий раз за утро, проходя мимо комнаты со шкафом услышал негодование Чехова по поводу общей запертости. Стул колышется, но открыть изнутри Антон Палыч не может. По какой-то неизвестной причине Владимир Владимирович и Курт Куртович не помогают Чехову подналечь на дверцу и сдвинуть мешающий стул. Может не хотят со всей своей высоты упасть на расплавленный ламинат, а может мешает договориться о скоординированных действиях языковой барьер. Я выглянул аккуратно из проёма и посмотрел за стекло шкафа. Чехов сборником рассказов начал давить на стекло, а изданием в мягкой обложке частично пролез

в просвет между дверцами. Маяковский на верхней полке молчал недвижимо. Воннегут на предпоследней отодвинулся от стенки «Матерью тьмой», но скорее из-за жары, а не ради приближения к стеклу дверцы. Хотя, он хитрый, надо посмотреть через час, куда двинет «Колыбель для кошки» воспользовавшись моей полуденной параплегией. Я спрятал голову обратно в коридор, ещё минуту послушал как Чехов в одиночку пытается без эффекта отодвинуть стул и потом варёным мясом утащил чрево своё в угол к лестнице. Но там уже лежал бедолага пёс, занял тригонометрию потоков воздуха. Чтобы не создавать прослойку густого пара между нами, я присел не рядом, а у противоположной стены. В глаз мне попал лазерный луч солнца от провисшей шторы. Слеплённый я обрадовался тем, что теперь ничего не нужно решать.

Я постарался протянуть в положении проткнутого иголкой насекомого как можно дольше. Себе любимому посвятить это положение. Нет движения, нет радиации тепла. Пот беспрепятственно стекает гравитационной тропой. Испеплённый день так бы и прошёл, но отчего-то я решил проверить воду в миске пса. Перетаскивая варёные портняжные мышцы по полу я мелком в окне застал незнакомца снаружи дома. Вся млявость исчезла. За шторой, за стеной, за забором, за дорогой кто-то стоял. Возможно он смотрел на моё окно и видел моё перемещение. Концентрация и решительность. Не паниковать. Я на четвереньках переполз на вто-

рой этаж чтобы оттуда выглянуть и опознать гостя. Дырка в шторе не давала хорошего обзора. Ясно было только, что человек ушёл. На краешке бетонного заезда у ворот лежал свежий окурок. Он дымился от человеческой спички и сейчас догорал под лазером нашей жёлтой звезды. Окурок – это сейчас опасно. Подпалит меня, гад. На перекрёстке у жилых домов стояла машина откровенно государственного вида. Новая отечественная модель белого цвета. Она не спешно тронулась, притормаживая почти до полной остановки у каждого коттеджа. Затем снова на первой передаче тянулась по улице, отчего в мареве тридцать первого градуса казалась долгим лимузином. Когда белая повернула налево я увидел на боковом стекле наклейку латинской буквы S. Это они. Последний пот выскочил из меня как из лимона над тарелкой морепродуктов в далёком и забытом времени рабочего ланча. Ищут. Нашли. Человек выходил только у моего дома или нет? Дальше едет и не выходит. Нужно проверить не оставил ли он что-то на воротах. Не сделал ли помету. Ждать. Не проверять сейчас. Ждать ночи. Он всё ещё может быть у ворот. Засада. Это робомобиль и он управляет им от моего забора. Отвлекает внимание. Ждать. Пусть под забором потеет, не обманет. Машина уехала. И через десять минут из-под забора никто не встал. Успокоившись я сел что-то грызть на кухне и включил в телефонной коробочке плеер на минимальной громкости. Случайная песня совершенно неслучайно запела о моих летних каникуках:

«Хи Кам Зы Сан. Хи Кам Зы Сан. Ойе». Воспалённые мозговые оболочки долго не переводили этот корейский текст, что повторялся на реверсе припева. Я грыз шершавую сухую еду и шелестя губами повторял припев: «хикамзысан, ойе». Лучше бы ты сдохло, солнце, чтобы никто из людей никогда не боролся за место под тобой.

Двадцать девять.

К вечеру я отключился, не выдержав давления разогретого мира. Птицы, провожавшие криками адского Илью, мальчика на шаре, разбудили меня, попутно рассказав, что перемен немного. Плотный как перьевая подушка горячий белый шоколад воздуха не давал вдохнуть полной грудью. Такие же дымки жары, щупальца эфирного кракена, как и вчера, поднимались над металлом крыши сарая. Так же, как вчера, как сегодня днём, иссохшая трава держала ворону, доедавшую несочное незрелое яблоко. Ворона била по нему клювом как невоспитанный ребёнок молотит резиновым молотком зашедшего в гости дедушку. Хорошо бы натренировать ворон против дряни. Интересно, много определившихся уже подали эту идею на субсидию? Я принял душ, выпил ледяной воды, снова покрылся потом, этой самой водой, профильтровав её через морщинистую кожу, и вышел в сад с последними ядовитыми лучами над забором.

Обследовав место окурка и калитку, я обнаружил прикрепленную к ней листовку. Призыв выходить на митинг против Определения. Митинг состоится в воскресенье в Та-

широво. Нашли дурака, выманивают, притворяются. Видел я ваш робомобиль, казённый как СИЗО, не умеете шифровать следы, недоучки. В воскресенье неопределившиеся в церковь ходят, а не на митинги, чтобы сойти за Своих. Один отдел не знает, что делает другой. Я вернул на место листовку в точности, как она была засунута в калитку. Бросил несколько раз псу мяч, собрал мусор, подойдёт на растопку зимой, и сел под вишней. Вместо пугала, которого никто не боится, которое не сохранило урожай. Бесплезное тело в штанах, что пришло на эту землю полежать на трещинах сухой земли. В подтверждение моего нестрашного статуса в метре от меня пробежала трясогузка. Другие птицы уже уселись на темнеющих деревьях и ждали что принесёт им луна. Будет ли сегодня прохлада? Собака ожила и опять принесла мячик. Я лениво запустил его в ромашки. Сейчас, сейчас, наступит ночь, я отвяжу тебе качку, катайся по участку. Пятно крови на западе неба разлилось и стало густеть, впитываться в верхушки деревьев. Сгустки повисали на соснах в конце улицы и падали ниже, до самых первых от земли веток. Илья загнал свой горящий паровоз в гараж. Сгустки стекли на траву. Луна стала ярче, но всё ещё растворялась неровной оладьей в перегретом безптичном небе. Я смог набрать его в себя без ожога. Дышал ртом. Цельсий чуток спал. Жизнь в ночи продолжалась. Я смешивал двухтактное масло с 92-ым бензином, в надежде однажды снова покосить, нарушая тишину на много километров. Пёс гонял от забора

к забору на новой тачке, задевая на поворотах пластиковый заборец винограда. А однажды и вовсе налетел на колодец.

Мы вместе ели и смотрели на чёрный контур леса, где он сливался в фиолетовый верхний мир. Я смог дышать ровнее и всё ладилось. По траве пошелестел то ли уж, то ли ветерок. Мысли о казённом человеке в белой машине казались чем-то далёким. Ну, кто меня здесь найдёт. Вокруг ни души. Все соседи уже или там, или определились и уехали в город. Кто-то ещё в первую осень добровольно прилёт под орешник. Я один. Я победил в этой гонке. Я не значусь в списках и когда всё закончится, то меня не в чем будет упрекнуть. Пёс положил голову на мою ногу. В контуре чёрного леса одна сосна достала-таки луну и торкнула её своей пикой-вершиной. И вдруг появилась дрянь. Само по себе рядовое событие. Ночь – время дряни. Но мало того, что дрянь появилась, и появилась она не с южной, а западной стороны. Так дрянь ещё и зависла над моим участком, примерно над сараем. Я прикрыл веками свои белки глаз и прижал пса. Не шевелясь я смотрел как дрянь немного покачиваясь висит совсем низко над постройкой. Она качнулась и стала ещё на метр ближе к земле, словно падала по невидимой лестнице. Может эта импортная, с инфракрасным глазом? Вот же, дрянь, давай улетай! Прочь! Уйди от сарая, падай хотя бы за забор. Брысь! Дрянь, думаю, не слышала моих мыслей и качнувшись ещё раз снизилась и перелетела наискосок к углу дома. Попробуй, дрянь, только упасть здесь, я тебе все кишки

разорву! Точно упадёт. В таз упадёт сейчас. Падла! Не вздумай падать в таз для мыться собаки! По виду дрянь была пустая, только с камерой, и мне пришло в голову, что можно накинуть на неё в темноте футболку и сбить потом граблями. Если она пустая, то никто не узнает. Наверное. Я бросаю её в компостный ящик или закопаю. Но вдруг не пустая? Пёс стал вырываться и хотел бежать в сторону висевшей всего полтора метра над землей черной крестовиной дряни. Мне стало тяжело держать собаку и я осознал, что она выдаст меня, я не успею накинуть футболку. Может просто сразу сбить граблями? Уйди от таза! Расколотишь таз, где возьму новый? Тут высоко над всеми нами послышалось тихое жужжание, как у старой детской игрушки. Вторая дрянь, какой-то паучьей формы с висящими ножками пролетела между моим взглядом и светом луны. Первая, тут же набрала высоту, взмыла над тазом, сараем и участком и потянулась за пролетевшим пауком, как младший брат за старшим. Я отпустил собаку. Хорошо, что не сбил. Непонятно чья это дрянь, вдруг своя, по глонасу найдут и всё тогда зря.

Тридцать один.

После физического охлаждения в душе бесплатной колодезной водой, поступавшей в кабинку посредством спаянных китайских пластиковых труб и мудрёной комбинации гидроаккумулятора и какой-то синей коробочки, я продолжил своё летнее путешествие. Для начала посетил пустую комнату в которой висел дартс и бросил пару десят-

ков раз удивительно точно. Проведал кладовую под лестницей и пересчитал консервированную тушёнку. Я выглянул из всех окон второго этажа убедившись, что борщевик задох, дорога пуста и в посёлке нет признаков человечества. После этого, утрачивая последнюю душевую свежесть я почитал новости. VPN сообщил мне, что за пределами моих хвойных стен мир болен как и вчера. «Суд признал патриота, убившего уфимского рок-исполнителя во время концерта в Петербурге невменяемым и освободил от ответственности». «В мире стало на одну афро-американскую семью миллионеров больше. Узнайте у потомков Ланриетты Гаркс как ни дня не учиться и не работать, но стать богатыми». «Автопром возрождается: на автосалоне в Мариуполе представлен полноприводный „Кантрибой“». «Шестнадцатилетний школьник приписал себе два года в анкете и ушёл добровольцем. Правда раскрылась при награждении Крестом Добра». Свежесть выходила из меня через глаза, слезящиеся из-за всепроникающего солнца, через ладони, потеющие от горячего смартфона и через мозг, что пытался сквозь поток новостей понять, можно ли сделать вылазку до Плесеновского за хлебом или весь мир сошёл с ума, включая деревенских. Местных новостей не было. Центральные не сообщали о новых ограничениях.

Скоро слёзы, пот и слюна закончились. Я сваривался в биомассу и перешёл на первый этаж, где было за полградуса ниже. Наблюдая за псом, я занял второе (после него)

по хладности место, если, конечно, такая температура может считаться прохладой. Дело шло к полудню, я привычно приготовился плавать в собственных сиропных мыслях. Они маленькими отвратительно липкими комочками выходили из моего лба в сторону шторы пронзённой пламенем фотонов. Встречаясь с ними где-то над столом, испарялись, оставляя запах намокших кладбищенских конфет. Так. Провианта много. Но он однообразный. Терпим. Для пса всё неплохо. Морозилка полная чьих-то ног. Если в ближайшие вечера будет тихо, то пойду лесом за хлебом. Вода в колодце есть до сих пор. Дождей нет. Пожалуй, сегодня не буду поливать деревья, поэкономлю воду. Мусор можно не трогать ещё неделю, в крайнем случае выкопаю новую яму. Терпим. На днях могут быть новые яблоки, вороны уже присматриваются, накину сетку. Надо вывернуть все лампочки, вдруг по привычке ночью включу, один раз уже было. Рефлекс. Окно в каминной можно дополнительно закрыть книжным шкафом. Жалко, что он не влезет в прихожую. Терпим.

Я подошёл к книжному. Курт придвинул за ночь свои тома вплотную к стеклу и теперь вместе с Чеховым они распластались вдоль третьей полки. Что-то задумали. ВВ будто бы не шелохнулся, но я не мог вспомнить какая книга стояла первой в ряду у него. Янгфельдт или Быков? Помню красная. Не поменялись ли они местами? Похоже, ВВ в деле, готовят побег. Я подвигал шкаф, пытаюсь выволочить его и закрыть им окно в другой комнате и промок как будто бежал мара-

фон. Резкая слабость опустила меня на диванчик рядом и я снова принял положение лёжа с упором ступнями с двери шкафа. Оттуда, снизу, было однозначно понятно, что и Маяковский провёл манёвры. Они все сговорились выйти и обрушиться на меня. Пот, вышедший из моей кожи при попытке перетащить шкаф ближе к коридору вызвал какой-то ионный дисбаланс. Меня стало трясти. Соль вышла на футболку, а водица осталась внутри, в сердце, в кишках, и теперь меня знобило и корячило. Преодолевая слабость промокашки я дошёл до холодильника и выпил драгоценный запас минерализованных «Ессентуков». Тряска прекратилась, но холодный напиток тут же инициировал позыв в туалет. Внутренняя холодная вода без долгих кишечных заворотов провалилась сразу на дно. Вся эта жара, с её расстройствами, головной болью, диареей и убитыми биоритмами побеждала меня. Похоже в плен брать не собиралась. Я погибну в окопе туалета или дивана утонув в собственном поту. Прорасту ромашкой с маленькими чёрными жучками на цветах. После туалета ноги вернулись к охране книг, а веки понемногу сомкнулись и мне привиделся лихорадочный сон больного ребёнка. Что-то неуловимое про таз, на стенках которого были следы зелёнки от купания малыша с пятном антисептика на пупке. Что-то про плавающий градусник в форме бледно-зелёного ошпаренного крокодила и недоверие к рукам, проверяющим температуру воды. Кто-то тёплый и мягкий как шарф в этой воде. Но после, снова, как и каждую ночь,

улыбающиеся лица патриотов, кресты и латинский алфавит. Я проснулся.

Обедом стал сначала обожжённый, как молодец в сказке, ныряющий в кипящее молоко, а затем остуженный в холодильнике «Роллтон». Со вкусом шкурки сырокопчёной колбасы. Со вкусом канцерогена животного происхождения. Что-то подсыпано китайскими веганами для искоренения всея мясоедов святой страны. В бульоне одиноко плавал один нут и одно жировое пятно. Они были как две колониеобразующие единицы и я принял из внутрь своей питательной среды. Положил ложкой в свой мясной агар рта. Заплесневелая корка игристого хлеба, с пузырями почти как у настоящего «Бородинского», напомнила мне, что сегодня собирался выйти в сад при свете чтобы проверить больные розы и всякую прочую гортензию. Из-за режима день в доме, ночь на воле, с минимумом светового шума, подзапустил те растения, что не давали полезных плодов. Одной воды для радости им не хватало. В их пирамиде потребностей стояло ещё и болеть. Мятную хвость удалось победить довольно легко. VPN подсказал, что всего-то и нужно этим экзотическим кускам красоты, что попрыскать их на ночь содой. Длинноножик ушёл после нескольких обработок специальным мылом, что в избытке было запасено ещё до начала Определения. Удобный сифон я сохранил. Может налить в него спирт и протирать какие-то важные шестерёнки в машине жизни? Последняя болезнь – тлябля – оставалась неку-

пированной. Сегодня предстояло оборвать полубольные полу иссохшие листья, окучить, мульчировать, побрызгать каким-то универсальным ядом из кладовой. На его банке были через запятую перечислены все возможные патогены растений. Этот чудо-раствор, судя по явно лживой инструкции, смог бы избавить нас даже от коронавируса и коррупции, произведи мы его в промышленных масштабах, скажем, вместо танков. Тлябля, у тебя нет шансов. Я иду.

Мне нравится, когда есть понятная инструкция о неотвратимости гибели всего живого. Такое надо на заборах печатать. «Роллон» не дал много сил, но обманул мозг, что ноги и руки сыты, и ими можно безбожно управлять нервами, сгибая и разгибая по очереди. В начале заката, укрывшись от возможного ожога дополнительной длиннорукой футболкой, я работал в саду. Выдыхать приходилось через рот чтобы сдвинуть пласт горячего воздуха. Через нос не получалось, нужна была вся сила диафрагмы. Трава местами выгорела до степени вулканического стекла. Только деревья, пьющие ведрами из моего колодца, ещё не сдавались. Мне пришло в голову, что по живым деревьям меня можно вычислить с улицы глядя в щель ворот. Действительно, жара убивала всё, с чего вдруг именно на этом участке, неосвященном и обесчеловеченном, деревья хорошо себя чувствуют? Может и тлябля должна остаться как алиби? Такая логика поглотила мои последние силы и я сел на треснутую землю опершись на сарай. Закат находился у меня слева и я

был рад, что не придётся видеть большую часть террактотво-артериальной мазни неба. Небо, которое уводило ненавистное солнце в какую-то другую сторону чтобы убивать людей и траву там. Чтобы ни говорили по радио, эта жара была связана с Определением. До войны, до всей этой возни, жара летом была игрушкой, капризом, редко врагом на неделю. Но не богом смерти, как сейчас. Что-то там они натворили своей доброй волей, что-то пошло не так с этим закрытием ЗАЭС.

Двадцать девять.

После завершающего кашля огнёмётотом солнца на верхушки деревьев наступил синий час. Птицы умолкали. Заткнулась кошмарная сойка, гаркающая как ангел мести. Вот уж не тем достались красивые синие перья. Пёс пришёл и тыкал меня носом, чтобы я снял велосипедный замок и дал ему покататься на тачке. Подожди, пёс, вот небо станет фиолетовым и мы оба начнём смелее перемещаться по участку. Я подобрал ноги и попытался встать в сторону колодезного насоса. «Роллтотна» во мне оставалось на минимум движений. Темнело небыстро. Температура не спадала. Всё за чтобы я ни взялся после полуденного пекла – шланг, дверная ручка, ведро – всё обжигало. Предметы не могли отдать тепло во внешнюю среду потому что воздух вокруг них был такой же банный, массив его не двигался, не уносил бешено трясущиеся переполненные энергией молекулы. Воздух везде и одновременно был одинаково грузным и напалмен-

но-пламенным. Я вернулся на пару минут в дом найти ключ от мастерской и вышел в уже чёрный двор.

Вышел наружу и застыл на месте. В более светлом, чем земля небе, что могло ещё ловить какие-то блёстки луны или звёзд, а может горящих где-то городов, в этом небе над моим участком висела дрянь. Она появилась неслышно и не улетала. Была довольно крупной и явно меня видела. Пса рядом не было, кажется его глаза показали искорку под сараем. Умная псяка спряталась. Я медленно стал отступать к дому и дрянь чуть снизилась, и подлетела в мою сторону. Контур её был необычно толстым, дрянь не пустая. На мне была чёрная кенгуруйка и штаны, как что в темноте дрянь скорее всего различала только моё лицо. Я сделал один медленный шаг назад, дрянь ещё снизилась и подлетела на тот самый шаг. Заходить в дом? Может она только этого и ждёт чтобы сбросить что-то на дом со мной внутри. Нет, дом мне дорог. Я побежал в сторону деревьев сделав неожиданный зигзаг у недостроенного забора. Дрянь осталась за спиной, но ожила, зажурчали моторчики, появился какой-то писк и она, набрав высоту, погналась за мной. Коснувшись первого крупного ствола, я стал случайно менять направление, бежать от дерева к дереву и сильно поцарапался о ветку в темноте. Дрянь зажужжала сильнее и ей пришлось ещё подняться чтобы не влететь в рощу. Я бежал несколько минут и замер у мощного ствола, пахнущего сосной. Натянув на поллица свою кенгуруйку я пытался понять где висит дрянь.

Жужжало еле слышно. Сердце моё стучало громче моторчика в небе. Скорее всего дрянь меня потеряла. Будет ли бросать наугад или полетит к дому? В рощу бросать для меня не страшно, дерево защитит. Тут меня испугало прикосновение чего-то к моей опущенной руке. Я вздрогнул как от электричества. В ладонь мне тыкался носом пёс. Он тоже сел у дерева. Дрянь где-то крутила свой моторчик, но я не мог понять где. Темнота наступила как на земле, так и на небе. Контур моего дома перестал различаться. Я сел и обнял собаку.

Внезапно за спиной раздался грохот взрыва, оглушающий как водопад. Затем грохот от падения чего-то и звон стекла, потом через секунды что-то снова глухо упало на землю, словно стена или крыша. Дрянь взорвала чей-то дом. Может решила, что я бежал от одного дома в другой. У меня перехватило дыхание. Головой я понимал, что мой-то дом где-то передо мной в темноте, тот взрыв не очень близко и за спиной. Но видеть я ничего не мог. Вдруг всё-таки взорвала мой? С псом мы просидели ещё нескольких печальных минут и потом я стал пробираться в сторону источника шума. Руки держал перед собой отодвигая ветки. Найти место взрыва было несложно. Там горел огромный костёр из остатков деревянного коттеджа. Это был синий дом за рощей, вокруг него я собирал грибы. Я подождал, не выберется ли кто-то из завала, не закричит ли, вдруг там тоже прятался неопределившийся. Но пламя разгоралось, а движения людей не бы-

ло. С псом мы вышли на дорогу чтобы не рвать одежду в темноте рощи, быстро сориентировались и вернулись к себе через калитку. С дороги насколько я мог видеть в небе ничего не висело. Растущая луна подтверждала безопасность. Сердце замедлялось, всё успокаивалось. Дряни нигде не было, я позволил псу ездить на тачке. Как он это делает? Что за магическая сила гонит двухколесную тачку под ним? Возможно пёс просто сидит в ней, а у меня дефицит какого-то витамина, отвечающего за рассудок. Витамина, который не кладут в армейские консервы. Нет, хватит на сегодня. Никакого полива, никакой сегодня борьбы за урожай. Тлябля тоже подождёт. Костёр далеко и стал меньше, пожар не должен до нас дойти. Росгарда была на этой неделе. Им лень будет сейчас смотреть что там стряслось в нежилом посёлке. Дрянь больше не прилетит. Мне повезёт. Я вошёл в дом, в свой кабинет и несмотря на скрипящую снаружи тачку лёг спать, свернувшись в кресле. В последнее время я стал занимать всё меньшую площадь.

Тридцать один.

Утро наступило на меня духотой. Проснулся не от пота, не от просочившего луча, не от вздыхания пса. Душно стало так, что я, пренебрегая всей маскировкой отдёрнул шторку из старой скатерти на проволоке и открыл большое окно. Первые секунды дали кислород и пара вдохов прошла бодро. Последующие уже внесли в лёгкие подогретую газовую смесь и заставили опираться руками на подоконник. С воз-

духом что-то не так или ишемия у меня какая-то, но дышать днём вот этим жёлтым солнечным газом невозможно. Польза от открытого окна проявилась ещё в том, что не почувствовал я запаха гари. Ночной пожар утих. Там вокруг дома была богатая бетонная отмостка и машиноместо величиной с корт для тенниса, наверное, на этом бетоне всё и догорело. Не пошло ни в лес пугать соек, ни к улице на более бюджетные коттеджи из палочек. Я через силу вдохнул ещё раз, ни гари, ни незнакомых запахов. Отошёл шатаясь пьяный жарким газом и стал колдовать над завтраком. Сначала господину псу, потом господину пёсову другу. Ничего, будет зима. Уйдёт пламень адский. И все будут делать вид, что они ни причём. И кто-то победит, а меня перестанут искать днём, и убивать ночью. Все вернутся домой, а главное, вернутся в себя. Зимой, надеюсь, это случится нынешней зимой. Пёс вернулся со двора через лаз в двери и захрустел спрессованными счастливыми калориями, от которых потом улыбаясь будет лежать в самом нежарком месте из возможных. Я с горкой консервов на тарелке украшенной одиноким огурцом пошёл в комнату у северной стены. Она прогревается до невыносимости только к полудню. Проходя мимо градусника отметил взглядом треклятые тридцать один. Что за цифра такая? Почему всегда тридцать один? Ни поделить её, ни отнять. Простое, твою мать, число. Проклятие.

Летний мой тур продолжился мимо оплавившихся акварелей на стене, мимо пары резиновых сапог, наклонивших-

ся от жары в разные стороны, мимо занавески из простыни к столику у книжного шкафа. Что, классики, выпендриваетесь? Что вам не стоит за стеклом? Все тома Чехова и Воннегута были прислонены к стеклянным дверям с внутренней стороны, они отошли от задней стенки и устоялись на меня. Они даже на полсантиметра отодвинули стул, подпиравший ручки. Что смотрите агрессивно? Что я могу сделать? Мне лозунги принтером писать и по Лубянке бегать? Или прикажете русскую тоску на хлеб намазывать и этим питаться? Что вы вообще знаете про сейчас из своего вчера? Да, пьют и воруют. Теперь это называется наркомания и коррупция, но суть та. А вы знаете, что нынче образованному человеку чтобы достойно зарабатывать приходится людей убивать или помогать тем, кто убивает, или притворяться что помогаешь. Вы знаете, что дети сдают экзамены по отличиям доброго русского империализма от злого европейского колониального империализма? Чувствуете какие проблемы у нас тут? Не про лирику. Я оставался доволен тем, что Курт не отвечал. Нечего ему ответить, его антивоенная фантастика так и осталась фантастикой. Запустив вилку в консервированное животное, всегда использую вилку вместо ложки, это возвышает, я принялся вставлять в рот плоть в соусе. Но когда дошло дело до стакана с холодной водой, шкаф вдруг ожил.

На верхней полке стали раскачиваться тома биографий Маяковского и с амплитудой ударили по дверцам изнутри. Шкаф наклонился, стул упал и в мою сторону полетели крас-

ные корешки из распахнувшихся дверей. Четыре, тяжёлые как удар, тома долетели до меня. Опрокинули тарелку и кесарю кесарево, съездили мне по лицу. Курт и Антон полетели по инерции следом. Мне на плечи и ноги. Богу богово, а такому как я, защищая голову от груды книг, как от кирпичей, ткнуться куда? Я успел укрыться под столешницей, где для меня уготовано логово. Не успели достичь пола и меня ряды нижних книг, как на всё это упал и сам шкаф. Если б я был маленький как великий океан. Я не поместился под столешницу полностью и получил по спине всей массой шкафа. На цыпочки б волн встал, но выпрямится не смог, только разбросал с себя книги и вышел. Приливом ласкался к луне бы, умываясь и осматривая ссадину на лбу в зеркало. Шкаф остался полулежать на столе.

Я понимаю, ребята-дядьки. Не выдержали такой моей пассивной позиции. Надо жечь. Надо глаголом. Согласен. У нас пока по хребту не получишь, мотивация не оформляется в реальную работу. Я запишу всё это, ребята-дядьки. Я вам запишу и покажу. Про моё летнее путешествие, про жар этот внешний, который никаким холодом внутреннего равнодушия не унять. Я вам напишу про всю вырождюпонь, что караулит меня на улице, про победу эту великую и очередную, про загаженную мусором луну, про дрянь, про то, что свободно говоришь только в закрытом коттедже в закрытом посёлке в закрытой стране с закрытым ртом. Про двадцать девять и про тридцать один. Вам всё запишу и покажу. Про-

стыми словами, простыми числами. Становитесь на полки, ребята-дядьки. Сейчас лицо от крови умою и начну писать. Это нужно записать. Хотя бы для того, чтобы когда жар закончится и аномалия встанет на место, никто не сомневался, что были другие, были мнения, были люди у шкафа. В урну полетел кусок окровавленной туалетной бумаги. Я не торопился возвращаться и поднимать шкаф. Присел на ступеньку, ведущую наверх. Пёс перевернулся в коридоре на другой бок. Какая-то последняя книжка шмякнулась о пол в кабинете и наступила тишина. Она всегда была здесь со мной, но теперь особенно мне будет нужна чтобы находить слова для правильных мыслей в правильный текст.

Та осень

– Мама, Вок! Смотри! Это Вок!

– Это собака.

– Нет! Это вок! Смотри, мама! Вок!

– Это собака.

Мы с «это собака» выходим из подъезда, проходим винюватой полутрусцой мимо дымящей мамыши с девочкой в розовых плащике и шапочке. Сапоги сиреневые, будто из другого набора. Может мама не различает цвета, а может скидка. Сиреневые, но высокие, достаточные для бегания по лужам. Девочка показывает пальцем на пса и хочет сказать что-то ещё. То ли ветер переменялся, и мы не слышим её слов, то ли уже достаточно отбежали от входа, то ли розово-сиреневая девочка ничего так и не сказала. Нам в спины смотрит только её маленький палец. Мы удивили её. Мы – другие. Девочка тычет и смотрит нам в след. У неё это одна из первых осеней. Мы же прожили уже достаточно, нам есть с чем сравнивать эту конкретную осень. И она иная. Ускоряемся, почти бежим к лесу. Только преодолев около километра, оказавшись в дали от девочек, мам и прочих людей, переходим на шаг. Особый осенний шаг по лесному ковру, что вздыбился, взьерошился и встал в один день против шерсти, против тонкой подошвы, против всякого человеческого шага. Пол леса охотно принимает только собачьи мягкие

шаги, но не человечьи. Последние он помечает глубокими следами в свежееупавшей листве, заливает след водой, бросает под ноги ветки, те, что не попали по лицу, те, что не порвали куртку. Стены леса облезлые и блёклые как многослойный век обоев в старом питерском доме из которого так и не сделали филиал Эрмитажа. Потолок леса дырявый, как сарай на станции Вышний Волочек... Как марлевый отечественный бинт, что невозможно разрезать, а только порвать, с дырками сквозь которые сколько не мотай слоёв, рана видна. Всеми бинтами всех аптек не закрыть прорехи в лесном массиве, в этом небе, что больше не скрыто за кронами.

Под ногами пазл из листьев. Кто-то, кто? Белка, например, бежала-бежала и перевернула коробку с кусочками загадки, с летними обедами, с коллекцией купюр. Упали листья-пазлы, перемешались на полу леса. Ромбовидные берёзовые и осиновые, округлые с острым кончиком орешниковые, ажурные дубовые, фрактальные кленовые, толстые валянки вяза. Случайным южанином пикирует вниз пятерня каштана. Пазлы лежат ко мне то красивой цветной стороной, то одинаковой прожилисто-жухлой, цвета мокрого картона. С обратной некрасивой стороны все листья похожи. Умирают напластанные один на один, перемежаясь всеми оттенками рыжего и коричневого, местами зелёного и жёлтого, но реже. Дождь сваливает все оттенки к коричневому. Будь ты хоть дважды зеленый утром, цвет мокрого картона – твой дневной наряд. Гниль забирается на пазлы, затемняет

фасадную сторону, оголяет жилы и объедает края листьев. От иных остались только непропорционально длинные ножки. словно был это не березовый скидух, а царское кленовое опахало. Перешагиваю одни и давлЮ тут же другие. Пёс, он же Вок, не смотрит под ноги, изредка на меня и на сумочку с вкусняшками. Не смотрит на листья, что почти не задевает, не мнёт. Это занятие для людей. Нет, белке не под силу разбросать столько коробок с фантиками-купюрами. Стадо белок? Стая, арава, ватага, когорта, банда-команда белок? Белки такие же жертвы осени, как и лист орешника. Запасы заканчиваются. Зиму переживёт половина белок. Умрут от бескормицы и холода. Две зимы не переживает почти ни одна белка. Три зимы не переживает никто. К чему тратить силы на разбрасывание паззлов. У белок своих дел полное колесо.

Листья занимают всю голову, невозможно оторваться от них, забываешь, что выгуливаешь собаку. Они как карточки со словами. Когда учишь английский можно использовать метод карточек. Слово – квадратик. Перевернул, а там перевод. Рассыпал, собрал, перемешал, поднимай и учи. Только листья – карточки с незнакомым языком, с переводом с незнакомого на чужой. С мёртвого на инопланетный. Со звериного на ботанический. Мне не дано выучить ни один из них. Только топтать. Но пара слов читается сквозь мелкий колкий дождик. Осень. Гибель. Конец. Листья как пятнистая форма на упавших в канавы, в колеи, заполненные

водой и керосином. Хаки? Что за слово нерусское? Как выкашливание мокроты, как лай сторожевой псины, как скрежет поворачивающейся железной бандуры. Это хаки? Нет, не слышал, здесь не хаки, здесь просто гниль и осенняя жатва всего живого.

На небольшом пригорке из ничего, стоят чёрные распятия облетевшего чертополоха. Руки-ветки мощных лесных колючек обесколючены. Всё было нацеплено на пробегающих собак и наркоманов, ищущих закладки. Остались только крестообразные скелетированные, уже тёмные и ослизлые концы полых трубочек. С редкими только на их вершинах венцами из колючки, задержавшейся отчего-то, не найдя достойную штанину, и теперь ещё более напоминающими терновые венцы на пустых крестах. На растении по две-три перекладины, но это неважно. Как не перекрещивай линии, любой перекрест – это крест. В испарении-тумане от земли, пригорок с пустыми распятиями чернится на ещё цветном фоне невысокого клёна позади. Одна его сторона жёлтая, вторая рыжая. Отчего распятия пусты? Нет достойных, нет мучеников, все заняты на других южных полях? Здесь некогда распинать. Здесь не ходят люди. Они гадят дистанционно. Из окон машин, из дыма пикников, из самолётов и квадрокоптеров. Распятия пусты, все преступники в законе. Пёс помочился на самый крупный чертополох-крест, подтвердив, что мерзкое это дело, распинать людей. Мочились ли собаки на кресты Голгофы? Наверняка их там была свора.

Оборванные кроны показывают небо. Оно серое как туман. Как пластик ноутбука. Как труба для канализации в «Леруа». Как алюминий костыля. Постоянно идёт какой-то каплепад, то больше, то меньше. В короткую минуту отсутствия ветра, к счастью, разбавляется дождик падением листьев. К счастью. Есть на Руси осенью счастье? Листопад продолжается в каких-то мелких и жёлтых, редких в сером воздухе, но привлекательных для пса листьев. Собака подпрыгивает и хватает некоторые пастью. Листья уже мертвы, им не больно. Продолжая падать на дно леса, листья ложась в грязь становятся вдруг разными. В воздухе были одинаковыми маленькими березовыми, упав лежат в пазле липой или ивой. Как не заметил такой особенный вяз? Говорят, из них раньше делали мосты, не гниют в воде. Может и не гниют в обычной воде. Сейчас же вода мёртвая. В ней сгниёт всё. Вода эта струйкой натекает мне под подошву, стоит лишь на полшага замереть. Вода стоит в моих следах. Вода отражает рваное небо. Пса не касается. А вот за мной лежит пунктир следов-ванночек, наполненных неживой коричневой водой. Копытца из сказки. Не пей из копытца. От человека остаются копытца, как от скотины, от козла. От нас, от людей козлиные следы. Не летаем мы как ангелы над ворохом листьев, а горячим сургучом ставим печати на всё живом, печать парнокопытную, знак демона. Мы умеем только топтать живое, только убивать листья. А ещё остаются пустые бутылки, пакеты, подушки, пружины, колея quadro-

цикла, танка... Всё это тонет в пазлах и воде. Нет, не белки. Люди растрясли коробку с бумажками. Люди любят бумажки, собирают и ценят. Когда таких слишком много, что-то да обернётся. Ещё одна бумажка ждёт за дверью. Разносят. Ноги не вытирают об утренний резиновый коврик. Впускают в подъезд холод и отбрызги мёртвой воды. Мне пока не принесли, не нашли, заблудились, опечатались, порвали нечаянно, намочили. Не влезла моя распухшая от нетерпения бумажка в бойницу почтового ящика. Но найдут, исправят, сориентируются, просушат и наступив мокрой подошвой на сухой мой порог отдадут.

Пёс встал на задние лапы опершись на наклонённый ствол и всем видом демонстрирует обнаружение кого-то сверху, в бесконечности канализационного неба и варикозных веток. Стоим оба. В тишине капля сухой неживой воды процарапала путь от кепки к вороту, сбегает к локтю. Так и в вену забежит. Одёргиваю рукав. Ничего. Наверху нет ничего. Птица, белка, всякая тварь покинула лес. Покинуты люди, что убивают всё. Когда заканчиваются деревья и пакеты, люди убивают друг друга. Только мясо людей никак не закончится. Пёс ещё стоит грациозным пони, но уже видно, что делает это просто так, не сдаётся. Показывает, что не мог ошибаться. Унюхал ничто, понял, ничего нет. В смысле что ни нет ничего, а есть ничего. Ничто обнаружил мой пёс. Пёс всегда прав. Там есть ничего. Минута и опускается на отведенные ему четыре лапы. Дерево молчит. Капля бежит.

Листья-самоубийцы кидаются на нас. Одиночки прилипают к ботинкам, большинство укладываются поверх предыдущих отчаянных. Снимаю какого-то липового камикадзе с пса и бросаю на дно леса, пусть гниёт как все, нечего путешествовать на халяву.

Грибы торчат на каждом пне. Инопланетяне эти, не понимают ни меня, ни растения, им только дождаться. Будет им явление их главного божества. Верховного глобального гриба всех грибов. После которого ветром поднимет пол леса и треханёт так, что даже из мёртвой воды на секунду взлетят обратно на ветви обрывки недосигившего. Лист встанет на ножку. Распятия колючки отдадут честь своими мачтами. После только грибы и борщевик. Потом никаких уже людей-мусороносцев. Грибы плотными рядами, квадратами, как на бородинском поле, солдатами на Сенной, кадетами в классе, плечом к плечу, шляпка к шляпке. Все ждут супергриб. Поскальзываюсь на одном из воинств шляп-переростков. Чуть не знакомлюсь всем телом с паззлом. Касаюсь только рукой, устоял, выпрямился. Ладонь в коричневой биомассе. К ней, как ярлык, прилип только один дубовый кудряшковый листок, остальное переработанное бактериями уже тесто. Страхиваю кисть, пару раз, третий. Остаётся только мерзость, липкость и чувство, что рука заражена. Отрубить? Карточки листьев со словами на незнакомом языке может быть учат меня грибному языку? Пишут мне письма? Поворачиваю к оврагу, тяну пса за собой. Земля за-

кругляется и падает в овраг.

По дну овражка бежит ручей. Летом пересыхал, сейчас собирает слёзы всех, кто видит приближение зимы впервые. Всех народившихся клёнов со сладкой тонкой корой, всех папоротников-спиралек, всех однолетних на пороге гнивания. Ручей день за днём ширеет. Вчера ещё мог его перепрыгнуть широким шагом. Сегодня перехожу по сваленным обрубкам сосны. Весом своим вбиваю обрубки в дно ручья. Следующий человечешка уже намочит ножки. А может поскользнётся и сложит голову не за родину-мать, а за мёртвую осеннюю водицу, за обрубок шишкинской сосны, что никогда не растёт в голое пшеничном поле. Художники-фантазёры. Символы им подавай. Рожь от пшеницы научитесь отличать. Впрочем, сейчас все поля поделены на кладбища и сотки. На нынешних полях вместо хлеба и взойдут сосны. Пёс бредёт вдоль, по самому ручью, заходит по живот. Не хочет поперёк переходить, идёт как по тропинке из воды. Жду на другом берегу пока он пройдёт туда-сюда по семь метров поводка. Мокрый пёс демонстрирует силу воды. Взгляд безумный, уши назад, прыжки из стороны в сторону и попытка прихватить меня за ногу, за рукав. Заигрывает и вертится на месте, делает прыжки, тычет носом, приседает и тут же встаёт на задние и опирается на меня, как на дерево. Определённо вода отравлена. У пса интоксикация. Слёзы берёз, что поднимались соком из недр, в ручье, на собаке, на ботинках. Лес швыряет новые и новые порции

листьев, как будто даже зелёных. Своих не бросает. Одних не оставляет, шлёт всё новые тучи листьев. Больше листьев. Швыряет в топку бактерий внизу. Скидывает, отряхивает, вырывает с корнем-носиком. Одних в лесу не бросает. Сбросит всех. Бросает сразу и сверху, и сбоку, всех в топку, всех в землю. Папоротники – зелёные над коричневостью всего. Они не умеют желтеть. Они родились на свете раньше, чем придумали осень. Во времена их появления и расцвета такой чухни как осень не было. Папоротники умирают зелёными. Зачем тратить фантазию на смену цветов и гниение? Смерть в зелёном. Смерть молодым. Умри как папоротник, ибо ты старше этого мира и не можешь адаптироваться к смене времени. Время отныне осень.

Возвращаемся к подъезду мимо рядов окон и подоконных нежелтеющих газонов. Их трава как пластик, как стекло, приняв однажды где-то в питомнике газонов зелёный вид, она уже никогда не станет иной. Умрёт, но не станет. Она будет торчать из-под первого снега, из-под мусора, кашек мопсов и корги, этих недособак, торчать зелёной как крокодил Гена в отреставрированном мультике. Наверняка она живёт не за счёт фотосинтеза, а за счёт ядерного распада пыли отживших своё стержней из АЭС, пыли, вложенной сетку с искусственной землей, раскатанной во дворах столицы. Это ядерная вечно-зелёная мутация. Это не та трава, что гибнет сегодня в лесу. Пёс, пробегая вдоль облетевшего шиповника хватая пастью перезревшую кровавую ягоду, жу-

ёт, роняет на газон. Шиповник – последний дивиденд осени. Больше она ничего не даст. Завершающий урожай для собак. Дальше осень только заберёт. Тепло, солнце, чистоту ботинок и лап. Окна первых этажей, уже подсвеченные изнутри, но ещё не занавешенные предъявляют мне картинку идиллических семей. Людей полный составом, даже с молодыми мужчинами призывного возраста, садятся за столы и кушают что-то плоское на плоских тарелках. Какую я знаю плоскую еду? Отбивная? Капустный лист, яичница, жидкая каша... Может они доедают последние полуживые листья осени? Наверняка это следует сделать. Человек ест осень, пока осень не съела человека. Грустные люди доедают. Мы с псом проходим мимо. Он раздуренный пробежкой и ветром, лохматый как разобранный им дома игрушечный енот, выглядит теперь диким. Псовая шея торчит шестью в стороны, голова опущена к земле, оскал и язык напоказ. Смотрит снизу вверх и словно улыбается, словно хитрит что-то в своей голове. Волчара. После прогулки уже натурально волк. Не собака. Отнюдь. Где та девочка в розовом и её неверующая мамаша? Приходите, посмотрите, осень делает из собаки волка. Из меня делает следопыта, заглядывающего в окна. Но никто за меня не пройдёт этими тропами по умирающим годовалым орешникам против изгоняющего живое из леса ветра. На остальных дует из телевизора, вызывает менингит. Пусть меня простудит лесной ветер. Волчара и я сворачиваем к подъезду, пищим домофоном. Вносим запах природы

в керамогранитный коридор.

Не просто осень. Это та самая осень. Осень мира, после которой будет зима и потом ничто. Мы прожили лето, наши лета. Осень у нас и нечего стыдится её. Заслуженно опадём в грязь.

Вонь

Валериана стояла и воняла. Вчера она имела тёмно-коралловый оттенок и всей своей раскидистостью головной части, стройностью стебля, напоминала древнего океанического строителя островов. Позавчера пушком покрывал её розоватый налёт, а в глубине соцветий жили последние крохотные белые цветочки-звёздочки. Те, что покрывали валериану три дня назад наполовину, а четыре дня назад полностью, как невесту. Неделю назад она имени не имела, стоя на зелёной ножке между цикорием и расторопшей. Ждала меня все дни своей жизни. Чтобы я сфотографировал, опознал её и впервые произнёс имя – Валериана. Не знаю, кто больше от того удивился. Само растение или я. В поле, цветущая, с невидимым мне горьким корешком и без документа с таксономическим наименованием, валериана тянулась к солнцу неузнанной. Ничто в ней не выдавало лекарственности и того налёта книжного образования, что приказывал мне удивляться и поражаться, тому что я нашёл. Подивившись вдоволь, я при ней остановился. Совершил фотографирование, погуглил, срезал чёрным лезвием неблестящего выкидного ножа. Ведь сюрприз этот повторялся. Было мне не ново уже целое лето узнавать цветущее, испускающее семена, называть и запоминать, и так, разнообразить мой утренний досуг. И срезать. Я познакомился с валерианой после цикория, бук-

вицы, чертополоха, василька лугового, очитока, после всех по очереди цветущих, меняющих оттенок поля каждые полторы недели лета. И всё это тащил в свой дом. Только валериана удивила меня дважды. Из других сорванных и отнесённых в жерло пустой бутылки каминной комнаты. Из всех. Дубль удивления. Валериана сначала абсолютно не пахла. Не выкидывала тот запах, что я ждал, сверившись с детскими воспоминаниями о маминой аптечке. Со взрослыми воспоминаниями о бабушкиной аптечке. Удивительно не испускала ароматный дух. Но затем, валериана, сухая и коричневая, начала вонять. Септиком, смертью, ядовитой травой. Второе удивление было таким же перцовым, таким же дерзким. Прочие сухостои упокоились в мусорном ведре, но эта стояла, вечная как Сбербанк, стояла и воняла. Выбрасывать её за внешнюю некрасоту не было повода, выкидывать было не за что. Грациозный коралл обращал на себя внимание. Но всё же бывшее живое переехало сначала на подоконник, затем на верх холодильника, на второй неделе в отдалённый угол необжитой комнаты, что в жирные времена планировалась как кинотеатр. Двойное удивление. Сперва в том, что ожидаемого запаха нет. Далее в том, что он появляется хуже и тяжелее, чем можно было вообразить, когда уже привык, что запаха нет.

Изучив поле буквально вдоль и поперёк, следуя через высокую плохопролазную траву за тонкой дорожкой оставленной Псом, я стал ботаником-самоучкой. Школа, ВУЗ, стыд-

но вам. Одно поле и одно любопытство дали мне ботаники больше, чем ваши шестнадцать лет специально разработанных и одобренных федеральных образовательных программ. Стыдно так учить, стыдно так использовать бумагу из дерева и мозги учеников из клеток. Пёс исчез из поля зрения, но я не стал волноваться, а принялся за работу. Принесённые перчатки лезли на пальцы, корзинка расположилась на земле. У конца поля, у кромки леса, у просеки, что вела к заброшенному пионерскому лагерю, душил худое высокое дерево дикий-дикий хмель. Я расчистил растительный прах и стал искать места выхода хмеля из земли. Старался вырвать как можно более длинные куски, коричневую проволоку со ствольными клетками. Затем отрывал метровые части, так чтобы обязательно была в них развилка, почка-перекрёсток, и клал в корзину. На корточках я пролезал в заросли и тянул на себя бесконечные зелёные и коричневые лианы. Самую соль хмеля. Из-под неглубокой земли. Дружок размножается вегетативно. Закопанные мной в нужном месте, они взойдут армией вандалов в следующем году. Взойдут-подпрыгнут и обмахнут собой всё, что я им покажу. Будут по десять сантиметров в день лезть на сарай, забор, опоры беседки и скроют от любопытных летних соседей мой единственный кусок жизни на моей единственной земле. Но будут мной воспитаны и окультурены ради миссии окружать меня, прятать меня от мира. Сейчас же, тянуть, рвать, в корзину, полную корзину и домой. Господин Пёс уже рядом, вернулся из густо-

ты хвои. Не может отдышаться. Хочет пить из припасенной фляжки. Заяц или косуля, так или иначе, их следы измотали собаку за полчаса. Пёс еле поспекает за моим спокойным шагом ведущим к машине. Корзина едет на мне, я на машине, а все вместе мы едем на куске материи летящем каруселью, полным злых капризных смертных детей. Сойти я не могу. У меня абонемент до закрытия луна-парка. Могу я только насадить вокруг себя плотный туман хмеля, усыпить врага и самому стать спокойнее ингалируя собираемые осенью шишечки. Уснуть на подушке полной шишек хмеля, после травяного чая хмеля с мелиссой, после песни про письма из Парагвая, после ненависти к людям и любви к собакам... Поехали, Пёс, домой.

Способность брать от природы как наблюдения, как и реальные осязаемости, развилась во мне за время жизни в доме чрезвычайно. Тут и там выкапываю на дальних опушках рябину да сирень, сосенки да многолетние травы. Недавний поход за двумя вёдрами папоротников запомнился. Всю эту бесплатную радость природы я пересаживаю вокруг себя, обозначая границы своего мира. Вот они, шахматные порядки крыжовника и смородины, калины, обозначающие место, с которого я не люблю людей особенно сильно. Черту, пересекая которую, всякая человеческая тварь рискует. Моя зелёная красная линия. Линия, за которой мой не обращённый на определённого мизантропизм, становится прицелом и полётом снаряда требюшета. Я с каждым месяцем плот-

нее и гуще присаживаю унесенное из леса, вокруг ранее воздвигнутого забора и с его внутренней стороны. Цветы с пчёлами, розовые шипы, игольчатая хвоя, терновый куст и глубокая канава. Какой вам ещё нужен знак, людовеки, чтобы не приходиться сюда? Что ещё я должен посадить вокруг своего дома чтобы вы не приносили листовки для голосования, не побирались консервными банками для блиндажных свечей и не крестили меня к празднику чьей-то уважаемой матери. При взгляде с дороги, каждый слабовидящий и тупо соображающий определит, что дом мой не приветствует гостей. В нём довольны плющом и виноградом, изгородью и рвом, всегда закрытыми воротами и не выглядывающими за пределы участка лучами ламп. Всё внутрь. Всё для себя. И пусть Пёс – самый добрый и дружелюбный на свете – гостям этого не узнать. Гостям виден лишь его волчий оскал и размер. Необразованным невладельцам собак, мой Пёс сгодится как преграда, как ещё один биоаналог забора. Непонимающие кто друг, кто нет, они такие чужие мне. Оставайтесь там. Вне. За. Шагайте мимо. Стойте спиной. Мы чужие и тому рад. Будет новая весна и я привезу из леса новый ряд ёлок. Их аромат – не валериана, но оба мои собственные и я с ними, и без вас.

По небу, точно над моим прямоугольным кусочком красоты, пролетели два ворона и два их отпрыска нового выводка. Взрослые летели прямо, не делая лишних взмахов и не меняли высоту. Младшие двигались рывками и обогнали родите-

лей. Как это прекрасно, видеть на голубом небе чёрных крупных птиц. Я оставил им вчера яблоки. Но они не притронулись, лишь гаркнули на меня из ветвей пару раз. Нескоро начнут принимать что-либо от человека. Они же видят моих соседей, держащих собак на цепи. Они же знают, что ружья стоят в домах без сейфа. Вороны видят каждую пятницу, как человек травит себя растворами ядов, что ему отравить птицу или соседа? Пустяковина, а не дело. Человек приносит только несчастье тем, кто парит. Тем, кто не такой. И тем, кто просто сосед. Наверняка, у воронов есть такое поверье, если ты паришь над человеком, то быть беде. Пари там, где человека нет. А если такое место не повстречалось, то пари хотя бы над мёртвым человеком. Всё именно так и не наоборот. Ворон над телом мёртвеца – это к удаче. Для ворона. После обеда птицы дразнили Пса, спрыгивая с забора на землю и возвращаясь назад. Пёс не успевает за ними. Но играет он честно, не использует свою магию. Только носится по траве за длинноносыми пернатыми словно щенок. Если и догонит, хватать не станет. Пёс знает, что в вороне яйцо, в яйце бабочка, в бабочке маршрут-навигатор. Она сядет на вершину мира, махнёт крыльями и вся человеческая пыль рассеется. Миром станут править вороны. Сказочно лучший выбор, чем гуманоиды. Пёс как бы и не против такого сценария. Но я могу тоже пострадать от взмаха крыла бабочки, а Пёс меня любит. Не торопит потому события. Ждёт Пёс пока меня прикончат люди запахом своим либо поступками.

Тогда не нужно сдерживать бабочку. Тогда Пёс запустит маховик: ворон – яйцо – бабочка – начало мира – конец мира.

Пёс мне велит ждать. Не поддаваться токсинам мыслей и народонаселения вокруг забора. Ждать. Очень скоро, но не скорее, чем размораживается вечерняя собачья еда после морозильника наступит событие. Но всё же очень скоро по меркам сытого. Подожди. Да, Пёс, подожду. Он мне рассказал как-то. Событие. По небу полетят гигантские инсекты. Птицы к тому моменту благополучно переселятся в недосягаемую сказку. Они же, инсекты, выползут из всех щелей, где прятались тенью времени и прахом забытого. Насосутся выдыхаемым человеками ацетальдегидным воздухом, расправят члены и брюшка, разомнут челюсти, взмоют в небеса над городами и посёлками. Люди обрадуются им, что неудивительно. Люди вынут из себя свои глаза и вставят в инсектов, чтобы те видели лучше. Люди отдадут летунам свои руки ценное, чтобы те несли по воздуху что-то полезное. Люди бросят работать в саду и писать музыку. Станут лишь обсуждать полёты инсектов и слушать отчёты об этом по радио. Телевизор смотреть без глаз невозможно. К тому времени телевизор будет смотреть невозможно. Затем случится следующее. Люди вставят в инсектов то, что они называют душами. Свои ожидания и любопытство, характер, всё что делает двух отвратительных людей различно отвратительными. Вставят свою разность в летающих тварей. Инсекты в растворе воздуха станут сложными и опасными, как

сами пустодушные внизу. Так и вижу, как полетят они, подобные шестируким подставкам под офисные стулья на колёсиках. Как перекрещенные кресты. Как кресты с модификацией креста. Как запрещённые чужие кресты из памяти деда. Излишне многорукие, чёрные как совесть паука. С переданными человеческими фибрами и огнеострым вооружением, инсекты не смогут устоять на привязи в границах своих хозяев и полетят творить добро за предел. Закрывать окна выглядывающим, гасить рассветы влюблённым, отбирать тепло у голых. Всё ради потехи на радиоволне слепым бездушным безруким творцам их. Всё воинство пролетит над моим участком и скроется в чёртовой дали, меня и Пса не интересующей. Будут с той поры мои заборы и мой виноград, и мои шипастые розы лучше охранять меня от гостей. Безголовых пустых людей, что запустили в небо самое заковыристое, что имели, чтобы нашкодить тем, кто запустил не первым. Радио я отключу. Безрукие мою калитку не потревожат. Станем мы урожай собирать и радость наживать. Пёс так говорит. Молча. Глазами. Как зороастрийский пророк, отбрасывая тень от нашего костра. В то время, когда вся дрянь улетит, а пустые люди будут падать в канавы от отсутствия смекалки, я заживу сладко и притязательно. Вся природа станет моя, вся яичница, весь хмель и радуга. Настанет светлое время, которое будет мной довольно. Я выращу плоды, детей, книги, бороду и память о самом дорогом. Пёс повзрослеет и станет лениться творить свою магию. И так будет нам хо-

рошо, что не станем мы спрашивать у Пса. Вопрос, на который не хотим знать ответ. Вопрос – когда вся эта дрянь полетит обратно? Когда она прихватит с собой в дальних кордонах новую дрянь? Когда эта двойная дрянь убьёт всё что мне дорого просто потому что я живу под небом, по которому дрянь перемещается? Это произойдёт в день когда вернётся вся дрянь.

Пока окружающие не полностью ослепли, они, к моему по колено сожалению, ещё и не оглохли. Отчего так устроена обезьяна-звено? Отчего эти переходные элементы решили, что кому-то, мне, да что мне, кому-то, господину Псу, хоть даже соседской обезьяне, необходимо слышать, что играет в колонке. Отчего? Что за чушь? Почему так громко? Тебе же нужно не громче разговора, ты же всё равно не понимаешь ни стиля, ни языка исполнителя, ни октавы, ни названия инструмента. Поч-чем-му? Зачем им нужно чтобы их поганость слушали соседние? Как же вы не умеете жить... Где вы берёте эти привычки и традиции... Кто вам такую скрепу выковал? Зачем он вам её вставить не туда куда следует? Шуметь. Транслировать свой дурной вкус на улицу. Какой же у меня низкий забор... Хорошо быть глухим. Глухим в стране слепых. Мой путь. Если бы не нужда слышать Пса, я бы хотел стать глухим. Нечувствительным к басам и интонациям, к безвкусице и бит-боксу Страдивари. Нечувствительным к просьбам людей, к их окрикам и их средствам связи. Слепота окружающих, вернее её диагностика – дело

времени. Моя же глухота может быть только рукотворной. А как себя можно оглушить? Можно встроить себе инновацию, выключатель слуха? Проткнуть перепонки? Как бы я хотел быть избирательно глухим или иметь доступ к регулировке своей глухоты. Да, Пёс? Вот он последний камень в нашу брусчатку мечты. Мне нужно стать глухим... Сороке неудобно было сидеть на верхнем ребре забора, она улетела, скользнув по железу когтями. Прекрасный звук. Лишать себя его, ради того, чтобы не слышать слепых, сегодня это неравноценный обмен. Посмотрим, что ещё они выкачают из своих недр, какой ещё конкурс песни пройдёт. В отличии от сороки, арсенал поступков заборных изобретателей дряни неисповедим. Но лучше не станет. Я не привыкну. Скорее бы стать глухим. С отрицательным уровнем слуха.

Не паук ли я? Расчертил свою паутину в отдельно взятом доме-земле и жду невинного гостя, которого я смогу разубедить быть таким как все. Как вокруг. Как мир – сумасшедший комбайн в дни жатвы. Я ведь не могу быть одинок. К этому предпочтительному способу бытия всегда полагается кто-то рядом. Некто хороший. Здесь Довлатов до меня всё сказал. Прекрасно одиночество рядом с кем-то. Значит мне придётся перевоспитать одного, одного ли, из окружающих упырей и зомби. Заманить цветочками, скрутить паутиной, переделать ферментами здравомыслия, отучить убивать грибы и кошек, верить в новости, богов, победы... Паук ли я? Нужно ли мне переубеждать прохожего, пусть и отравленно-

го моей правдой, что слушать музыку на весь посёлок – это ошибка? Бросать мусор – харам. Какая мера насилия в этом приемлема за моим забором? Паутина хмеля? Погреб с око-вами? Как глубоко воткнутый нож у людей считается неприемлемой мерой? На половину глубины? Весь, но без поворота? Без облома лезвия? Без просьбы простить грех? А как этот кандидат попадёт ко мне? Неужели придётся открыть калитку? Поманить валерианой?

Господин Пёс не одобряет. Косится на меня долгим зрительным контактом, делает вид, что читает мысли. На самом деле диктует. Разве можно иметь дело со всеми этими людьми? Переделывать навоз? Нужно найти уже готового, такого как ты и я (Пёс закрыл глаза). Где-то существует другой забор с прекрасным внутри. Без флагов и ленточек. С уважением к траве и радостью от солнца. Пёс, найди своим чудесным обонянием это место. Этого другого. Пошли скорее гулять. Иначе одному мне не справиться, не построить такой высокий забор, не вырыть такой широкий ров. Вместе же мы переживём постыдное время, и, когда всё закончится, может быть, осторожно выйдем за калитку. Без сигареты и медали, без стакана и петард. Ногами, а не на квадроциклах, с глазами, а не с тик-токами. Пёс, просунь нос под ворота, нюхни воздух, далеко ли второй такой? Там, за горой пластиковых бутылок в лесу, за кучей жестянок у дороги. Трудно найти того, кто также как я не шумит и красит золотом свой дом. Опознаем ли мы его по лианам хмеля? Я

не паук, нет, но мух вокруг предостаточно. Пёс, а вдруг у того другого тоже есть пёс?

Валериана. Вот кого ты напоминаешь. Вначале не воючего, а потом как понесётся. Ты ж, валериана, вылитый человек. Ты же жизнь отравляешь другим. Даже мёртвая, заставляешь оглядываться, откуда вонь. Как вожди, как генералы, как всякая удобная прикладная скотина. Как памятник. Спасибо тебе, валериана, что ты воняешь. Мне это помогает. Мне так лучше. Я отвлекаюсь на тебя. Я ж не Пёс чтобы весь мир чувствовать полноценным ароматным одеколоном. Мне дано немного только крайности нюхать. Отличаю то, что мне противно от того, что притягательно. Поскольку собственный человеческий дух я не могу уловить, то долго-предолго, годами не понимал с какими свиньями живу. Валериана, ты мой камертон. От тебя отталкиваюсь, ориентируюсь на меру вони твоей. Кто воняет лучше тебя и перемещается на двух ногах, тот и есть причина моего забора.

Быстро же я отвлекаюсь от внутренней красоты, от цветов внутри участка на внешние мысли. Как слаб. Учиться у Пса, учиться. Всё это болезнь собирателя хмеля. Пронеслось лето, от восхода первых хмельных щупалец до сталактистов шершавого ковра покрывающего крышу беседки изнутри. Зеленели, желтели, золотели, янтарели, чайнели, коричневели шишки. Собрал. Заболел. Надышался хмелем и успокоился до базовых настроек. А в них, там, за пределом налёта образования и этики, за ними оказалась спокойная нена-

висть к лишним людям. У меня болезнь, Пёс. Я по умолчанию родился чтобы не любить людей. Из меня получится идеальный агрессор, только обнулить внутренний Макондо. Ох, я бы взял высоту и провёл референдум. Ох, мне бы драккар да весло. Хорошо, что самолечение Псом помогло. Хорошо, что эффект от хмеля временный. Выспался и снова мне никому не нужно доказывать, никуда не нужно таскать знамя. Мне помогают прогулки с Псом. Я успокоился до полной осознанности. Такой, что не снилась ни одному автору книг о саморазвитии. Всего-то собрал урожай хмеля. Своего сам себе. Покой открыл мне глаза. Я люблю заборы и собаку, тишину и звёздное небо. А не люблю только людей, отбирающих у меня внимание к моему всему и приносящих мне свои людовецкие подарки: испражнения их культуры, войну их глупости и веру, что прошлое даёт им право творить безобразие сейчас. Болезнь собирателя хмеля. Это своего рода медитация, открывшая мне занавес. Да, Пёс? Всё так? Ты же меня поддерживаешь? Солнце меня поддерживает. Ворон, сорока, старые книги и музыка. Где-то, пока не знакомый со мной второй человек. Я полон помощи и поддержки. Не говоря уже о том, что меня держат мои ноги. Мои дороги. Приятно, что как бы далеко я не улетал, меня ждёт дом, кусок земли, скрытый зеленью, собака и всё благолепие жизни. Я часть каждого этого цветка и комка глины. Вместе с близкими я могу делать этот кусочек лучше. Никому за забором не делая хуже. Такой пещерный, в своей прекрасной

пещере полной звёздного неба.

Вот только валериана. Она всё-таки воняет. Не даёт мне покоя. Напоминает о мире снаружи из которого можно по неосторожности принести в дом несчастье, разложение, ненависть. Стать злым. Я так легко начинаю вонять вместе с валерианой. Чтобы я ни вдыхал носом, теперь я чувствую вонь. Потому что разложение у меня в голове. Потому что мне сложно просто жить красиво и не обращать внимание на окружающих. Мне отчего-то нужно чтобы они были частью моей жизни и жили по моим правилам. Такая вонючая мысль. Куда не переставь эту траву, она уже заполнила мне пазухи и альвеолы. Она воняет внутри меня, даже если я давно выбросил декоративный сухостой. Даже если зима и нет никаких цветов и трав. Я воняю за всех них. Самое странное, что вонь эту чувствую только я. Соседи не приходят ко мне с претензиями, что им мешает моя вонь, рождённая от ужасной несовместимости меня с ними. Они не жалуется мне на их же вонь во мне... Потому что они её не различают в потоке собственной? Валериана, что ты скажешь? Надо обнять пса и занюхать вонь этой жизни запахом прекрасной собаки. Вот, что я могу себе посоветовать. Посоветовать, рассказать людям, заповедью сделать.

Сказать. Я с ними никогда не разговариваю. Странюсь. Если не за забором, то всё равно мы не на одной стороне. Это выглядит так, словно у меня уже есть интернет – вместилище всего моего внимания и времени, а у них ещё нет. Ря-

дом, но не вместе. Будто у них уже изобрели религию и вся их жизнь подчинена некоему расписанию, а моя нет. Будто у меня очки прозрачные, вижу всё как есть, а у них – зелёные. Всякая стекляшка в них, все бутылки – сокровище изумрудного города. Будто..., будто у них аносмия после пандемии, а я чувствую. Я чувствую запахи. Это запахи разложения. Они подступают. Забор мой, пёс мой, ненадолго отводят дух от меня. Ветер, дуй на меня. Дождь, накрой меня. Валериана, перебей этот дух, эту вонь своей. Вернуть в центр стола, вернуть растение ближе к моему носу. Больше вони валерианы, больше защитной вони от внешнего духа. Гниёт, разлагается собрание человек под моим забором. Ходячие вонючие. Мне мало быть глухим, мне нужно потерять ещё и обоняние. Потерять возможность чують человека по его вони. Как много я готов потерять только бы не поддаться влиянию, только бы не прикасаться никаким образом к ним. Не стать частью. Не свалиться в ком. Не записаться в строй. Не слепиться в снеговика. Не начать вонять. Но из-а всех этих самоограничений, мир мой съёживается до размера вазы валерианы. До пяточка сосуда, защищающего место под собой от оседающей пыли. Я есть точка на столе держащая вонючую вазу ради того, чтобы на стол не вывернули самосвал навоза.

Моя реальность висела в копоты далёких пожаров и воняла. Вчера, натурально вчера, она имела голубоватый с розовым оттенком, пенкой молока, облаком лежала и всей пух-

лостью, видимой мне снизу частью своей, податливостью, напоминала проснувшегося птенца совы. Позавчера пуш-ком покрывал её налёт радости, а в глубине зарождающихся маховых перьев жили последние крохотные белые пушинки-подстилки. Те, что покрывали совушку три дня тому назад наполовину, а четыре дня назад полностью с лапами и головой, как одуванчик в июне. Неделю назад реальность имени не ведала своего, лёжа на истории между планами и мечтами. Ждала меня все времена, ждала, не засыпая и не улетаая, не ломая шею падением из гнезда. Чтобы я познакомился, присоединился, покормил, назвал этот розово-голубой пух с глазами, сказал ей, что она – суть. Мне с ней жить и красить её яркостью и скоростью. Не знаю, кто после больше удивился. Я ли, что реальность красят быстрее все вокруг, чем я, проснувшийся поздно. Или сама она, оттого что клюв грубел и коготь отчаянно хотел чесаться обо что-то живое. Что-то пищащее и кровоточащее. В детском лесу, моргающая неровно и несимметрично, с невидимым мне смыслом и без направления, без вектора, реальность тянулась она ко мне и ко всему. Ничто в ней не выдавало будущей перемены, измены, непривязанности именно ко мне. Вдоволь распространившись на всю мою жизнь, она впорхнула и улетела жрать тех, кто слабее. Не забывая обернуться и на меня. С каждым ночным рейдом становясь всё менее моей собственной, всё более моей собственной угрозой. Я познакомился с реальностью после снов, болезней,

книг, отчества, после всех по очереди живущих родственников. Удивился как иначе описывали её разные люди. Как она сначала не волновала, не отвлекала и не пахла. Удивительно не испускала претензий. Но затем, сухая и коричневая, начала вонять. Мумия совы. Недостатком, мочой, кислотой, мёртвым отпустившим своё окоченение человеком. Она стала обращать на себя всё моё внимание. Запачкалась сова. До того часто попадалась на глаза и мозолила путь, что пришлось отгораживаться, уступать дорогу, отворачиваться и уходить в свой невысокий, посаженный неумелыми руками лес. Скомкаться до десятка соток, до полки книг, до телефонного номера. Пиная перевозносящих её людей, транспортирующих реальность на своих плечах, тычущих ей в меня документами и распухшими суставами чёрных от денег кожаных рук. Прятаться было невозможно. Я просто старался меньше приносить реальность домой. Ниже класть и плотнее придавливать половицей. Рвал клоком, кустом, ромашкой, валерианой. Притворяясь, что контролирую её, вдыхал малую вонь, чтобы не задохнуться большой. Там, за пределами границ своего собачьего периметра, за канавой от вестей и людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.